

ИЗ АРХИВА ИЛЬИ ЗДАНЕВИЧА

Публикация Режиса Гейро

I. ПЕРЕПИСКА С БРАТОМ

В парижском архиве поэта и издателя Ильи Зданевича, более известного как Ильязд, сохранилось 34 письма и открытки, посланных его братом Кириллом с 1921 по 1967 гг. Столь малое для сорока шести лет переписки число их объясняется длительным перерывом в общении братьев. Никаких следов от писем Кирилла периода 1933-1958 гг. в архиве нет. Если вспомнить, как заботливо относился Илья Зданевич к сохранению своих бумаг, можно прийти к естественному выводу: за четверть века он не получил от брата ни строки. Объяснить это молчание могут три различных, но вполне однозначных причины. С конца войны и до 1956 г. Кирилл Михайлович провел в лагере (точные даты его заключения нам неизвестны). Во время Отечественной войны почтовая связь между СССР и Францией отсутствовала. Наконец молчание 1933-41 гг. вызвано, по-видимому, простой осторожностью, которая запрещала связь с эмигрантом, даже братом. Это подтверждает последнее из писем Кирилла Зданевича до «перерыва» (март 1933), где отчетливо выступает постоянный страх перед надвигающимися гонениями. Кроме того, по словам самого Кирилла, Илья получал далеко не все письма, отправляемые на его адрес. Это может объяснить наличие лакун и логических несоответствий в имеющихся в нашем распоряжении письмах.

В русском искусстве братья Зданевичи выступили впервые в начале 1910-х годов. Родились они в Тифлисе — Кирилл в 1892 г., Илья — в 1894. Дом Зданевичей был одним из центров художественной жизни города, здесь собирались художники, деятели искусства, жившие в то время в Тифлисе, и атмосфера, окружавшая братьев, во многом определила и их жизненный путь, и художественные взгляды. Кирилл стал живописцем, Илья — первым в России пропагандистом «Манифеста футуризма», только что изданного Маринетти и привезенного в Тифлис вернувшимся из Франции художником Б. Лопатинским.

В 1911 г. оба брата покидают Тифлис и уезжают в столицу. Илья поступает на юридический факультет Петербургского университета, а Ки-

рилл — в Академию художеств. С этого времени начинается участие Зданевичей в художественной жизни Петербурга. Картины Кирилла экспонируются на организуемых Ларионовым выставках, Илья, более склонный к теоретическим исследованиям, участвует в выработке манифеста лучистов и манифеста «Почему мы раскрашиваемся», закладывает основы литературно-художественного течения «всёчество», выступает в подвале «Бродячей собаки». В 1916 он вместе с художниками М.Ледантю, Н.Лапшиным, В.Ермолаевой и О.Лешковой издает абсурдистский журнал «Бескровное убийство». В тот же период Илья пишет свою первую пьесу на заумном языке «Янко круль албанской», которая будет поставлена на сцене в декабре 1916 г.

К тому же времени (1912 г.) относится и знакомство братьев Зданевичей и Михаила Ледантю с грузинским художником-примитивистом Нико Пирсманишивили (Пирсманни). Зданевичи первыми заинтересовались своеобразным мастером, выставили его картины, Илья написал о нем первые статьи.

Февральская революция 1917 г. застала Зданевичей в Петрограде. Только что закончивший университет Илья некоторое время служил секретарем при кабинете А.Ф. Керенского, а в мае 1917 оба брата вернулись в Грузию. Здесь Илья в продолжение нескольких месяцев участвует в экспедиции Е.Такайшвили, которая отправилась в оккупированные русскими войсками районы турецкой Грузии для изучения древнегрузинской церковной архитектуры.

С октября 1917 г. Тифлис переживает период чрезвычайного художественного и литературного подъема. Один за другим сюда съезжаются русские авангардисты, присутствие которых дает решительный толчок активности местных новаторов. Особенно усиливается это движение с созданием в мае 1918 г. независимой Грузинской республики. Золотой период Тифлиса продолжался до прихода в город Красной Армии в марте 1921 г. Одним из первых русских авангардистов появился здесь А.Крученых. Но истинным вдохновителем, вождем и теоретиком нового движения был, несомненно, Илья Зданевич. Поводом к открытию «боевых действий» стала выставка картин Кирилла Зданевича, открывшаяся в октябре 1917 г. и вызвавшая оживленную полемику на страницах тифлисских газет. Группа И.Зданевича вскоре учредила первую ассоциацию, которой было присвоено название «Университет «41°». Под этим же именем основаны издательство, театр, газета. Зданевичставил целью утверждение новой поэтической школы, возрождение живого поэтического языка и приближение его к «зауми» и абстракту. В этот период им написаны еще три заумные драмы, составившие продолжение «Янко», а также устроен цикл докладов, с которыми, кроме него самого, выступали в помещении кабаре «Фантастический кабачок» А.Крученых и И.Терентьев.

Жизнь в Париже всегда была мечтой братьев Зданевичей. Уже в 1913-1914 Кирилл Зданевич впервые долго живет в Париже, близко общаясь с художниками-кубистами, среди которых Пикассо и Брак, а также с Сергеем Шаршуном. В 1920, он возвращается в Париж через Константинополь и Италию и вновь проводит здесь несколько месяцев, прерванных

лишь короткой поездкой в Берлин в конце года. В октябре 1920 г. Илья тоже обращается в Комиссию Искусств Грузинской республики с просьбой разрешить ему поездку во Францию для знакомства с новейшими течениями современного искусства. Получив разрешение выехать из Грузии, он вынужден был целый год провести в Константинополе в ожидании французской визы. Здесь он пытается пропагандировать идеи «Университета 41°». Вообще организация заграничных отделений «41°» была постоянной заботой членов «университета». Терентьев пытается восстановить тифлисский золотой век в Константинополе, затем в Москве и Ленинграде, Крученых — в Баку, а затем в Москве. То же самое пытался сделать и Илья, очутившись в Париже в 1921 и стараясь вначале убедить в своих идеях дадаистов, а затем, потерпев неудачу с французами, — объединить вокруг себя молодых русских поэтов (группа «Через»). Однако попытки оказались безуспешными.

Все эти события отражены в письмах следующего десятилетия, которые писал брату Кирилл. Постоянные их темы — известия о Терентьеве, устройство выставок Пирсманни и подготовка монографии о нем, продажа картин мастера-примитивиста, размышления о том, как жить, оставаясь вольным художником при советском строе. Особенность переписки из Советского Союза с адресатом-эмигрантом оказывает некоторое влияние и на содержание писем: Кирилл более охотно обращается к повседневности, стараясь избежать политических тем, или таких, которые можно было расценить как политические. Но из этих описаний отчетливо видно, как замедляется темп жизни. По сравнению с кипучей активностью «золотого века», с массой книг, докладов, вечеров, которые разбудили Тифлис на 4 года, из писем Кирилла возникает ощущение города, охваченного летаргией. «Жизнь мельчит», — пишет он брату. В московской художественной среде он оказывается «чужаком». Мы не располагаем ответами Ильи (кроме одного), но, возможно, он мало говорил брату о своей деятельности в группе «Через», во всяком случае в письмах Кирилла об этом нет ни слова. Никак не реагирует он и на последнюю, изданную в Париже заумную драму Ильязда «Ледантю фарам» (1923), хотя, несомненно, получил ее от брата. Вполне возможно, что здесь сказалась обычная осторожность человека, прекрасно сознавшего, что международная корреспонденция перлюстрируется. Это, несомненно, отражалось на «уровне откровенности» в письмах Кирилла. Иногда, опасаясь неосторожности со стороны брата, Кирилл даже пробует предупредить его: «У тебя же представление не совсем верное и просто ошибочное о жизни здесь» (28.3.1933). Характерен и эпизод с романом Ильязда «Восхищение»: вначале Кирилл хвалит роман, а несколько писем спустя ограничивается изложением отрицательного мнения о книге издательского совета «Федерации».

Главной темой писем является повседневная жизнь, за деталями которой простирается путь художника, его восприятие окружающего в разные периоды: от лишений и трудностей первых лет, когда Кирилл просит брата помочь ему уехать из Грузии, через недолгое время надежд и обманчивых иллюзий — до страшного тупика, к которому, судя по последнему

письму, приближается К.Зданевич. Критерием при отборе писем для публикации служил, с одной стороны, представляемый ими историко-социологический интерес, а с другой — упоминание в тексте малоизвестных моментов литературного и художественного процесса. Этим объясняется пропуск некоторых писем первого периода (1921-33) и полное отсутствие писем второго периода (1958-67). Последние почти целиком посвящены затруднениям Кирилла при получении им визы во Францию, куда он собирался поехать для встречи с братом. Он добился ее лишь в ноябре 1967 г., когда братья увиделись впервые после полувековой разлуки. Кирилл Зданевич скончался в Тбилиси в 1969 г., Илья — в Париже в 1975 г.

1

Здравствуй, дорогой Илья!¹

Получил от тебя всё. Живем при советском строе² так — фунт хлеба 2000 р. Сахар — 20000. Колбаса — 8-10. Костюм 100000. Ботинки 45000. Зарабатываю изредка в Кавросте³ — квадратный аршин 1000 руб., при всем напряжении больше 300000 в месяц никак нельзя заработать. Продаем что можем. Папа и Мама⁴ живут автономно, у них все свое — и хлеб, и сах[ар], и пр. Я должен кормить Михаила Ксав.⁵, Валю, Алика и кое-как себя. Ну, в общем, уповаю сам не знаю на что. У меня с Игорем мастерская. Кажется, хотят выпереть нас оттуда, но пока уже 2 месяца работаем там и проводим время со своими подругами (у меня Оля Апрелева, блондинка — балет Госуд[арственной] оперы)⁶. Твоя знакомая Батумская — кланяется тебе. Игорь ждет всё свои доллары⁷ — не дождется. Он заделался художником. Уже в Кав罗斯е очень интересно работал, но заработал меньше меня. Софья Мельникова⁸ приехала из Сухуми и распускала сенсацию, что ты едешь, но, слава Богу, это кажется неправда. И не думай об этом. Постепенно тут жизнь мельчает. Закрыты все кафе, рестораны, очень много закрыто магазинов. Свободная мелкая торговля есть, но постепенно торговать становится нечем. Да, еще. Я развелся с Валей гражданскими законами — она получила польский паспорт и думает ехать или в Варшаву, или в Москву⁹, но пока мы с ней не считаем [себя] свободными. Я несу скромно свои обязанности. Где Гюрджиев?¹⁰ Тата?¹¹ Рахмуль?¹² Тате очень кланяйся, целуй ей руки и скажи о моем разводе. Зерновым¹³ же нет. Наступает лето, и я измышиляю, что бы продать, чтобы послать на дачу Алика. Он большой, рисует, умный. Конверты 6 штук посылаю. Остальные были порваны, их открывали на почте же, у нас дома

пропал только один¹⁴. Не успели всех захватить. Ну, до свидания, целую крепко.

Твой Кирилл.

18 апр[еля] 1921

¹ Это письмо было послано в Константинополь, где И.Зданевич жил с октября 1920 до октября 1921 в ожидании визы во Францию и служил в местном отделении американской фирмы «Нир Ист Рэльиф». Сам Кирилл уехал в Париж еще в октябре 1920 через Константинополь и Италию и вернулся домой лишь в марте 1921. На обратном пути он остановился в Константинополе, где находился Илья, а уже затем отправился в Тифлис.

² Красная армия вошла в Тифлис 25.2.1921 и 17.3. грузинское правительство во главе с Н.Жордания капитулировало.

³ Весной 1921 И.Терентьев пишет И.Зданевичу: «Дружбу веду с Кириллом. С ним у нас общая мастерская плакатов и веселья (мы художники-плакатисты Грукавеста — Грузинск[ое] Кавказск[ое] Российск[ое] Телеграф[ное] Агентство)».

⁴ Родители И. и К. Зданевичей. Отец — Михаил Андреевич (1862-1941) — преподавал французский язык в 1-й мужской гимназии Тифлиса. В 1930-х ему запретили преподавательскую работу и он стал бухгалтером на маленькой станции тифлисо-батумской ж.д. Мать — Валентина Кирилловна (урожд. Гамкрелидзе, 1870-1941) — была талантливой пианисткой, ученицей П.И. Чайковского. Семью посещали многие художники, жившие в Тифлисе или приезжавшие туда (см.: Спасский. МАЯКОВСКИЙ И ЕГО СПУТНИКИ. М., 1940; К.Паустовский. ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ. — БРОСОК НА ЮГ.).

⁵ Личность не установленная.

⁶ Ольга Григорьевна (? - 1970), впоследствии вторая жена К.Зданевича (с 1926).

⁷ Ср. письмо Терентьева И.Зданевичу год спустя (8 февр. 1922): «Жду всё время денег от Карповича из Вашингтона».

⁸ София Георгиевна Мельникова (сценический псевдоним, урожд. Каплан, по мужу Барковская, 1890-1980) — в 1909-1910 актриса Литейного театра (Петербург), впоследствии — тифлисского театра миниатюр, «муза 41°». Ей посвящен ряд произведений И.Зданевича и других тифлисских поэтов и художников, собранных в сб. СОФИИ ГЕОРГИЕВНЕ МЕЛЬНИКОВОЙ. ФАНТАСТИЧЕСКИЙ КАБАЧОК. ТИФЛИС 1917, 1918, 1919. Т., 1919.

⁹ После развода с Кириллом Валя Зданевич оставалась в Тифлисе до 1926 (как следует из писем К.). Между ними сохранялись дружеские отно-

шения и они встречались, когда Кирилл приезжал из Москвы в Тифлис (особенно в 1923-24).

¹⁰ Кирилл Зданевич был членом «Общества за гармоническое развитие человека», основанного Г.Гурджиевым (1872-1949) в Тифлисе в 1919. В единственном выпуске газеты «41°» помещена статья И.Терентьева о методе Гурджиева. В 1921 Г. жил со своими учениками в Константинополе, а в 1922 переселился неподалеку от Парижа, где он и умер в 1949. В архиве И.Зданевича хранится письмо от П.Успенского — ученика Гурджиева, однако сам Илья, в отличие от брата и многих деятелей искусства того времени, кажется, не был поклонником Г.И. Гурджиева и его учения. Кирилл создал портрет Гурджиева.

¹¹ По-видимому, речь идет о Мелите Зеленской (см. прим. 5 к п. №7).

¹² Личность не установленная.

¹³ Семьи Зерновых и Зданевичей связаны дружбой с начала века. Московский врач Михаил Зернов каждое лето практиковал на кавказском курорте Ессентуки, куда Зданевиши приезжали для отдыха и лечения. В 1907 вся семья Зерновых перенесла тиф. Болезнь миновала только младшего сына Зернова — Владимира Михайловича, которого на это время отдали Зданевичам, поручив заботам Валентины Кирилловны. После этого связь между обеими семьями еще более укрепилась. Приезжая в Москву, Илья всегда приходил к Зерновым. В 1920 Зерновы покинули Ессентуки и поселились сначала в Боржоми (где у них гостила В.К. — в письмах «мама»), затем переехали в Тифлис и жили на квартире Зданевичей в Кирпичном пер. В эмиграции Илья поддерживал отношения с детьми доктора Зернова, которые были его сверстниками. В архиве И.Зданевича хранятся два письма (1936 и 1942 гг.) Софии Михайловны Зерновой (1899-1978), видной общественной деятельницы русской эмиграции; речь в них идет о стипендии для сына Ильи. Есть также и письмо (24.12.1921) от Николая Михайловича Зернова (1899-1978, доктор философии и богословия, профессор Оксфордского ун-та), посвященное жизни в Белграде, где Зерновы устроились в первое время после отъезда из России и до своего переселения в Париж. Владимир Михайлович Зернов (р.1900) был впоследствии крестным отцом дочери Ильязда (1927).

¹⁴ Речь идет о конвертах, которые Кирилл посыпал с разными марками на свой адрес, чтобы марки были погашены. Затем он снимал их с конвертов и отправлял брату. Впоследствии в Париже Илья время от времени продавал любителям советские марки. В переписке И.Зданевича этих лет, хранящейся в его архиве, марки на конвертах часто отсутствуют.

2

Тифлис, 1 декабря 1921¹.

Дорогой Ильюша! Очень обрадовались твоему письму, и я был в восторге от твоей быстроты розыска всех знакомых наших. Твое поручение исполнили немедленно, и Терентьев сегодня прислал письмо, извещающее о принятых им мерах². Спасибо за ботинки, которые хранятся в Батуме в сейфе и Нико обещал привезти мне в четверг, 1 декабря. Не беспокойся, пожалуйста, о нас, и пусть твое настроение не омрачается счастьем быть в Париже. Надеюсь, ты получил мое письмо на твою просьбу дать тебе совет, ехать ли в Париж. Париж тебе даст знание языка, но для устройства судьбы необходимо ехать в Америку, и ты старайся там «заязвать сношения», чтобы тебе можно тронуться туда на готовое дело. Привет Ол[ениной]³. Прилагаемое письмо передай ей.

Целую крепко, крепко. Твой Кирилл.

¹ Письмо в очень плохом состоянии, бумага прорвана, части некоторых слов отсутствуют. Это письмо является первым из полученных Ильяздом в Париже от брата.

² Речь идет о визе для И.Терентьева для поездки сначала в Константинополь, а затем по Америке и Европе — с лекциями об «Университете 41°» и с тем, чтобы открыть филиалы университета по всему маршруту следования, а затем вернуться в Тифлис или Москву. (Письмо от И.Т. от 8.2.1922). Терентьев действительно уехал в Константинополь, где открыл отделение «41°», однако, не получив визы для дальнейшего путешествия, — в августе 1922 вернулся в Тифлис.

³ Вероятно, речь идет о Марии Олениной д'Альгейм, петроградской знакомой Зданевичей, певице Мариинской оперы. В 1921 она открыла в парижском районе Пасси музыкальную школу, где устраивались приобретшие известность «вечера стихов и музыки». На одном из этих вечеров выступил И.Зданевич с докладом «Новые школы в русской поэзии» (это произошло 27.11.1921, т.е. через две недели после его приезда в Париж).

3

Дорогой Илья!¹

Получил твое письмо от 1 марта через 14 дней. Рисунки сделала и вышлю не раньше 1 апреля².

Здесь очень плохо мне: почти все время голодая. Давно жданное письмо из Америки пришло но там нет ни одного слова про визу. Так что эти мечты надо оставить.

Можешь ли прислать мне визу и когда? Этот вопрос для меня *самый важный* сейчас. Если не можешь или не скоро, то я должен тогда ехать в Тифлис: там без меня совсем плохо Алику и Вале. Свои же отношения с Олей я почти закончил. Она уезжает в Румынию. Чем живешь? откуда деньги?³ что Судейкин⁴, Барт⁵, Лар[ионов]⁶? Нашел ли Цедербаума и мои марки у него?⁷

Жду скоро ответа о визах.

Твой Кирилл

20.III.1922

¹ Письмо послано из Константинополя. В конце января или начале февраля 1922 Кирилл Зданевич и Игорь Терентьев приезжают в Константинополь, где живут до лета в ожидании денег и виз из Америки. См. письмо Терентьева из Константинополя от 8.2.1922: «Жду всё время денег от Карповича из Вашингтона. Запрос сделан 1 1/2 м[есяца] т[ому] назад. В зависимости от его ответа определится наше дальнейшее. Однаково возможны: поездка в Париж, Америку и Берлин и возвращение в Тифлис, а оттуда в Москву (Крученых пишет в Тифлис, что в Москве хорошо, и зовет даже нас туда)».

² И.Зданевич просил брата, чтобы тот непременно переслал ему свои рисунки. Среди проектов Ильи по укреплению связей между русской и западной творческой интеллигенцией была выставка в Париже работ русских художников. Она была организована объединением «Удар» и открылась в галерее «Ля Ликорн» 2 февраля 1923. Среди выставленных картин было много работ Кирилла Зданевича.

³ В то время материальное положение И.Зданевича было крайне тяжелым и ему помогали более обеспеченные друзья. В августе 1922 он все же нашел временную работу, на месяц превратившись в рабочего авторемонтной станции. К этому времени ему также удалось получить заказы на рисунки тканей для С.Терк-Делоне.

⁴ Братья Зданевичи знали С.Ю. Судейкина (1882-1946) уже со времен петроградской «Бродячей собаки», одним из организаторов которой он был в 1911. Илья Зданевич выступал там с докладами «Раскраска лица (Беседа на Гауризанкаре)» (9.4.1914) и «Поклонение башмаку» (17.4.1914). В конце 1917 Судейкин попал в Тифлис, где вместе с грузинскими художниками Д.Какабадзе, Л.Гудиашвили и Кириллом Зданевичем он устроил кабачок «Химериони». В 1920 в Париже К.Зданевич и С.Судейкин жили вместе у Ларионова, друга Судейкина с 1902, когда оба они были исключены из МУЖВЗ. Несмотря на различие взглядов на живопись, Судейкин был близок с авангардистами — футурристами и кубистами. После отъезда К.Зданевича в Тифлис Судейкин остался в Париже, где оформлял балеты и пьесы до 1923, а затем переехал в США, где оставался до своей смерти. В январе 1922 Илья Зданевич исполнял каллиграфические украшения для платья, по модели С.Терк-Делоне, для второй жены худож-

ника Веры Судейкиной (впоследствии жена И.Ф. Стравинского). По рукавам платья были расположены заумные стихи (с подписью Э.Эганбюри — псевд. И.Зданевича).

⁵ Виктор Сергеевич Барт (1887-1954), художник, близкий приятель Зданевичей. Бывший ученик МУЖВЗ (1906-1911), поступил в 1911 в петроградскую Академию художеств, был в одном классе с Кириллом Зданевичем. Вместе с М.В. Ледантю (1891-1917) был в 1912 исключен из Академии, участвовал в выставках «Союза молодежи», примыкал к «Ослиному хвосту», экспонировался на выставке «Мишень» (1911). В 1919-36 жил в Париже, сотрудничал в журнале Сергея Ромова «Удар», верстка которого делалась И.Зданевичем; писал статьи по теории живописи; рисовал kostюмы для заумной пьесы И.Зданевича *ОСТРАФ ПАСХИ* (вечер поэта Божнева, 29.4.1923). В.Барту посвящен доклад И.Зданевича «Что выгоднее — брать серебро напрокат или покупать его в рассрочку?» (19.5.1922). Участвовал в оформлении советского павильона на Международной выставке в Париже (1925), где экспонировались страницы *ЛЕДАНТЮ ФАРАМ* Ильязда. Вернулся в Москву в 1936. Работал иллюстратором и оформителем наглядных пособий.

⁶ Зданевичи впервые встретились с М.Ф. Ларионовым (1881-1964) и Н.С. Гончаровой (1881-1962) в 1911. Кирилл Зданевич участвовал в выставках «Ослиный хвост» и «Мишень», подписал манифест личистов. Илья Зданевич работал с Ларионовым над редакцией этого манифеста (однако сам его не подписал), составил манифест *ПОЧЕМУ МЫ РАСКРАШИВАЕМСЯ* (подписал вместе с Ларионовым) в дек. 1913, написал монографию *НАТАЛЬЯ ГОНЧАРОВА — МИХАИЛ ЛАРИОНОВ* (М., 1913), которая до сих пор остается подробнейшим каталогом раннего периода обоих мастеров (И.З., выступает под псевдонимом Эли Эганбюри). После приезда в Париж И.Зданевич первые несколько недель жил у Ларионова. Впоследствии они сотрудничали в организации русских баллов на Монпарнасе.

⁷ См. письмо Кирилла от 28.2.1921: «Найди Владимира Цедербаума, доктора, он должен был передать марки худ[ожнику] Какабадзе. Узнай все это и возьми себе. Там были армянские наборы, довольно редкие и дорогие». О продаже марок Ильей Зданевичем см. прим.15 к п.1.

4

30.VI.1922

Дорогой Илья!

Завтра в 4 часа я уезжаю обратно в Тифлис¹. Я думал, что ты пришлешь визу и я поехал бы к тебе и вместе работали бы. Но очевидно приходится это дело *отложить*. Я буду работать в Тифлисе для Парижа и, если нужно будет, пришлю еще. Это все, что я ус-

пел сделать. Будь добр, пиши в Тифлис, через Кон[стантинополь]. Тарсидзе² в Тиф[лисе]. Мама с чрезвычайным нетерпением ждет от тебя известия. Я видел Лели³, и он все рассказывал про тебя — не слишком ли много ругаешься? Спешу за визами. Когда более или менее устроится, то присылай мне визу в Тифлис.

Целую тебя крепко

Твой Кирилл

¹ Так закончилась последняя заграничная поездка молодого К.Зданевича. Терентьев вернулся из Константинополя в Тифлис не ранее 8 августа 1922 (в этот день он пишет И.Зданевичу: «По обстоят[ельствам] денеж[ым] и личным я с ближайш[им] пароходом слу в Тифлис»). К.Зданевич оставался в Тифлисе до октября 1926.

² В списке людей, которым Ильязд послал свой роман *ВОСХИЩЕНИЕ* (1930) находится адрес некоего Тарсидзе, живущего в Соединенных Штатах (69 East 66 Street, New York). Другими данными о нем мы не располагаем.

³ Личность не установленная.

5

Здравствуй, дорогой Илья!
Я опять в Тифлисе!¹

Лучше здесь, чем в Констант[инополе]. Хочу в Москву, но приезжающие оттуда не советуют — ужасная дорожовизна при полном отсутствии заработка. Не знаю, что дальше будет делать Игорь², пока сидит в Констант[инополе]. Валя и Алик³ тут здоровы и все хорошо. Если можешь прислать Эспри нуво, журнал № с Браком и Пикассо⁴. Получил ли мои рисунки. Если нужно, еще пришлю. В Тифлисе в общем легче, чем где-либо, но тебе, конечно, тут делать нечего. Коля Мицишвили⁵ едет в Париж. Пиши. До свидания. Коля Чернявский⁶ писарем в полку в Одессе, но приедет сюда.

Целую тебя крепко,

Кирилл.

¹ Письмо не датировано. Оно было послано не раньше начала июля, но не позже самого начала августа 1922 (поскольку И.Терентьев «все сидит в Константинополе»).

² Игорь Герасимович Терентьев (1892-1941), поэт, теоретик искусства, художник и постановщик, был одним из трех вождей «Университета 41°» (с И.Зданевичем и А.Крученых). В Тифлисе написал 2 сборника стихов, теоретические трактаты, выступал с докладами о заумной поэзии. В 1923 приехал в Москву и вместе с К.Зданевичем стал сотрудничать в журнале «Крысадав». В дек. 1923 — янв. 1924 выступал с К.С. Малевичем и П.Н. Филоновым за беспредметное искусство и против реалистов. В это же время занимался и театром. С 1927 возглавил «Театр Дома печати». Ненадолго арестовывался — после скандала, вызванного постановкой *РЕВИЗОРА* в стиле «41°», которая привела в восторг В.Мейерхольда и С.Третьякова. Арестован в 1931, отправлен на Беломорско-Балтийский канал. Там руководил театральной труппой, составленной из заключенных. Погиб в заключении в 1941.

³ Жена и сын художника. Валерия Владимировна Зданевич (урожд. Валишевская, 1896 - 1975) и К.Зданевич вступили в брак 11(23).10.1915 в тифлисской Кукийской Александро-Невской церкви. Была сестрой польского художника Сигизмунда (Зиги) Валишевского (см. прим.5 к п.9). Александр (Алик) Кириллович Зданевич родился 13.3.1917. В конце 30-х гг. работал водителем такси в Тбилиси. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

⁴ «Эспри Нуово» (*l'Esprit Nouveau*) — «журнал эстетики», впоследствии «журнал современной деятельности». Основан теоретиками пуризма худ. и арх. Ш.-Э. Жаннере (Ле Корбюзье — архитектор Центросоюза в Москве), худ. А.Озанфаном и литератором Полем Дэрме. Первый номер вышел в 1920, издание прекратилось после 28 выпусков в 1925. Журнал был хроникой всего, что происходило в среде кубистов и посткубистов, особенно в области прикладного искусства; участвовал в пропаганде современных художественных течений. Почти в каждом номере за 1921 сообщалось о работах Брака и Пикассо, помещались специально посвященные им статьи: Андре Сальмана *ПИКАССО* (№1, 1920) и Вальдемара Жоржа *БРАК* (№6, 1921).

⁵ Грузинский поэт, член группы «Голубые рога» Николай Мицишвили. Вряд ли уехал в Париж в 1921, во всяком случае в начале 1922 в Тифлисе под его редакцией выходила газета «Фигаро».

⁶ Николай (Кола) Андреевич Чернявский (1892-1947). Один из наиболее талантливых поэтов «41°», заумник. Писал оркестровые стихи в манере И.Зданевича. Некоторые из них печатались в сб.: *СОФИИ ГЕОРГИЕВНЕ МЕЛЬНИКОВОЙ* (см. прим.8 к п.1). Кирилл Зданевич иллюстрировал и оформил его книгу: Н.Чернявский. *ПИСЬМА. СТИХИ* (Тифлис, 1927).

Здравствуй, Илья!'

Твой портрет получили. Отличный вид и пр[очее]. Судя по письму, жить в Париже не имеет смысла. Нужно для работы иметь более или менее нормальные условия — не лучше тебе было бы в Берлине или в Москве?

Тут нам хорошо, работаю. Буду писать «левые» декорации для Лоэнгрина², «Самое главное» Евреинова³ и др. О Пирсмани я тебе писал⁴. Жду с нетерпением твоей статьи о нем. Посылаю тебе 35 марок. Пиши. Валя обижается, почему не спрашиваешься о ней и не кланяешься. Бой кончился?

Целую

Кирилл

¹ Письмо не датировано, получено Ильей Зданевичем 19.10.1922 (штамп И.З. на обратной стороне листа).

² О представлении «Лоэнгрина» в Грузии Советская Театральная энциклопедия не сообщает. Опера Вагнера была поставлена в начале 1922. Еще до этого Кирилл Зданевич участвовал в постановках опер «Испанское капричио» и «Ночь на лысой горе» (1922).

³ Пьеса была впервые поставлена в феврале 1921 в Петрограде в театре «Вольной комедии» с декорациями и костюмами Ю.П. Анненкова. На сцене Грузинского драматического театра Тифлиса поставлена в начале 1922. С Н.Н. Евреиновым (1879-1953) Зданевичи познакомились в Петербурге в начале 1910-х гг., затем снова встретились в 1919 в Тифлисе, где Евреинов жил вместе с поэтом В.Каменским. В парижском архиве И.Зданевича хранится несколько писем Евреинова. Он хотел поставить заумную «дра» Ильязда ЯНКО КРУЛЬ АЛБАНСКАЙ. С этой целью Евреинов обращается к Ильязду в 1934 и повторно в 1943, на этот раз предлагая ему развернутый план постановки. Еще в 1930 он просил Ильязда сделать сценарий по его роману ВОСХИЩЕНИЕ и предлагал поставить его на сцене своего «Le théâtre et la vie». Однако из всех этих планов ничего не вышло.

⁴ Речь идет о монографии о Пирсманишивили (открытка из Тифлиса от 20.12.1922). «Издание Пирсмана движется. Исполнено 40 снимков. В книге будет 44 черных и 6 в красках. Твою статью жду с нетерпением, но боюсь, не дойдет, как первая». Книга о Пирсманишивили вышла из печати только три года спустя — в 1926. Тексты для нее, кроме К.Зданевича, писали также Т.Табидзе, Г.Кикодзе и Н.Чернявский. В архиве Ильи Зданевича находятся черновики его статьи о Пирсмане, однако сама статья в монографии так и не появилась.

Здравствуй, дорогой Илья!

Сезон 23-24 здесь в Тифлисе был одним из самых оживленных за последние годы. Лично для меня, конечно, станковизм не существовал, но практическая работа художника для масс была. Три балета в опере в моих декорациях, две пьесы в Грузинской драме («Человек-масса» Толлера, «Газ» Кайзера¹) и 1/2 пьесы Робакидзе «Мальштрем»² были сделаны. До футуризма далеко, но тот футуризм 13-17 годов уже, я бы сказал, уже жизненен здесь, и поиски новой формы (футуристической, конечно) делают возможной работу среди современ[ной] обста[но]вки, в силу ее большей ясности. Кроме этой работы, были несколько плакатов литографских, обложки, украшения домов и пр. Колька здесь, вот его писание³.

Здесь развелось грузинских футуристов человек 20, которые дня три тому назад устроили на одном ужине большое побоище символистам, были побиты Тициан Табидзе⁴ и сам Робакидзе. Публика первый раз видела лысый череп маэстро.

В общем я занят много и зарабатываю так, что нам хватает, но, правда, провинция и пр[очее]. Но как жить в Москве или Питере? Игорь живет на иждивении тещи в Петрограде, а вообще братии худ[ожественн]ой приходится там туго.

Может быть, приедем в Париж на время. Скажи Мелите Зеленской⁵, что ее сестры Эля и Нюта живут в одной комнате, зале Константина наверху, живут плохо, совсем без денег, да еще Эля болеет. Поцелуй от меня Мелиту.

Ну, до свидания, буду писать.

Целуем Алик, Валя и Я.

Кирилл.

13.III.1924

¹ Пьеса «Человек-масса» немецкого драматурга и бывшего председателя Республики советов Баварии Эрнста Толлера (1893-1939) была поставлена в Грузинском театре им. Шота Руставели в 1923. Постановку осуществлял М.Корели, главную роль исполнял известный грузинский актер Акакий Хорава. Пьеса австрийского драматурга Георга Кайзера (1878-1945) «Газ» была представлена в том же театре в постановке Котэ Андроникашвили.

² Григол (Григорий) Робакидзе (1884-1962) — писатель, критик, драматург, представитель декадентской поэзии в Грузии. Написал пьесу «Мальштрем» в 1922-23. Был основателем группы грузинских поэтов «Голубые роги», которая заседала в «Фантастическом кабачке». Несмотря на различия в подходе к проблемам искусства, авангардисты «41°» и символисты-декаденты «голуборогцы» оставались в дружеских отношениях, хотя над самим Робакидзе футуристы охотно подтрунивали. В 1932 Г.Робакидзе эмигрировал в Германию.

³ При письме была приложена статья Н.А. Чернявского *ДЕКОР 1-ЦИИ К. ЗДАНЕВИЧА* (из журнала «Театр и арена», выходившего в Тифлисе). Автор упоминает обе первых постановки К.Зданевича в опере, и спектакль «Человек-масса» в Грузинской драме: «Сцена — "Завод". Свод окрашенных плоскостей, архитектурная смычка станков усиливает живописный прием. Сильные, объемистые формы уставили сцену. Помощи весело взмывает вверх полоса красных и темных ромбов — мостовая дуга. Сбоку серая четверть вросшего в землю маховика. На станках огромный круг семафора на планочной стойке. По ходу пьесы на сцене сменяются силуэты фабрик, белая клетка, длинные спицы обратным веером сведены вверх, как руки в мольбе». Чернявский так и сообщает о будущей декорации К.Зданевича: «Ближайшей премьерой в Груздраме идет пьеса Кайзера "Газ". В декорациях — машинность, лаконизм, движение форм в пространстве — супрематизм». Статью иллюстрируют два вида декораций (гравюры работы К.Зданевича).

⁴ Тициан Табидзе (1895-1937) — крупнейший грузинский поэт, один из основателей группы «Голубые роги» и завсегдатаев «Фантастического кабачка». Репрессирован.

⁵ Мелитта Чолокашвили (1895-1985) — в замужестве Зеленская. Подруга Зданевичей. В Тифлисе держала знаменитый литературный салон. Эмигрировала в Париж и вышла замуж за поэта и драматурга Сергея Рафаловича. Первый муж Мелитты — Константин Зеленский, петербургский адвокат. См. письмо И.Терентьева к Илье (сент. 1922): «Мелитта Зеленская] должна] быть] еще в Константинополе, а Константин Данилович] вызывает ее в Тифлис — послал деньги и пароход[ный] билет. Я думаю, что она не вернется».

Здравствуй, дорогой Илья!

Что делаешь и как живешь? Что твой роман, застрял в типографии или где?¹ Вообще, конкретно, какие твои планы? Под влиянием факта СССР — этого небывалого явления, в связи с грандиозными новыми идеями стомиллионной массы, нам кажется,

«41°» пора пересмотреть заумь как единственную форму искусства. Жизнь и всё вокруг требуют от искусства *активной* работы в перестройке социальных условий. Мы не сможем стоять в стороне. Искусство должно быть связано с массами — пролетариатом (отнюдь не буржуазией — для них это эстетика, гурманство). Игорь Терентьев активно стал на этот путь: он заведует 2 клубами, режиссер, поэт и др.². После наших и твоих, главным образом, блестящих заумных дра, после получения так сказать диплома премьера зауми, наступило время творчества футуристического понятного для тиража книги 100000 экземпляров.

Илья! Жизнь за границей, конечно, в некоторых отношениях удобней, чем здесь, но этот пустяк не должен тормозить нашей работы. Жить за границей — быть вольно или невольно эмигрантом — а это отвратительно. Мое и Игоря и Крученых³ мнение, что сейчас не надо силу своей энергии употреблять на критику: пассеистов, лефовцев⁴, пролетпоэтов, имажинистов и пр[очих]. Наоборот, скорее контакт нужен с ними для общего дела. Необходимо изменить анархическую тактику разноса всех и всего и изолированности вследствие этого. Конечно, это не относится к белогвардейцам эмигрантам: Бунин и пр[очие]. Я бы хотел получить от тебя ответ на это письмо, и тогда мы обсудили бы, как дальше быть. Очень жду ответа.

У меня все время есть работа — декорации, плакаты и пр. Валя поехала в Москву, пока там. Не видишь ли Зеленского Конст[антину]? Кланяйся ему, скажи, что я почти каждый день бываю у Ольги Григорьевны. Мы с ней подружились⁵. Ну, Илья, желаю всего хорошего. Пиши.

Целую крепко.

Кирилл.

13.X.1924.

¹ Речь идет о романе *ПАРИЖАЧЬИ, ПУТАНИЦА В 23 ГЛАВАХ*. Написан летом 1923. В конце того же года открылась подписка на книгу, которую предполагали печатать в 550 экз. Среди подписчиков были все друзья Ильи, однако собрать нужную для издания сумму не удалось.

² См. письмо И.Терентьева к И.Зданевичу: «Здесь в Ленинграде /.../ я имею две комнаты под 41°: кабинет, увешанный, обставленный и оклеен-

ный 41 градусом, и мастерскую звука! Со мной несколько месяцев работает до 10 молодых людей: музыкантов, актеров и инженеров (будущих). На днях под названием «Фонологический Отдел Исследовательского Института Высших Художественных Знаний» эта работа должна быть утверждена в Академическом Центре. /.../ Части института (90%) объединены платформой "беспредметности" и составляют федерацию: 41° + супрематизм (Малевич) + Зорвед (Матюшин). (Полный текст письма приводится в *L'AVANGUARDIA A TIFLIS*, Venezia, 1982, a cura di G. Ragni Cesa, p.269-280. Однако датировка ошибочна: указано — 5.12.1924, в то время как верная дата — 5.2.1924).

³ Алексей Елисеевич Крученых (1886-1968), известный поэт-заумник. Был одним из трех руководителей «Университета 41°». Напечатал на Кавказе более 60 книг, среди которых несколько иллюстрировал Кирилл Зданевич. Однако позиция Крученых отличалась от «41°». Имя его редко встречается в письмах К. Зданевича (в сравнении с именем Терентьева). В архиве Ильязда хранится лишь три письма от самого Крученых.

⁴ Интересны отношения между членами «41°» и лефовцами. По словам Ильи Зданевича проект «Лефа» был задуман Маяковским соответственно основанной самим И.Зданевичем и Сергеем Ромовым группе «Через». Произошло это на банкете, организованном ими 24.11.1922 в честь Маяковского. Задачу группы «Через» ее основатели видели в создании настоящего моста через границы между советскими поэтами и поэтами эмиграции, с одной стороны, и с другой — иностранными литераторами. Эту позицию внутри Советской России должен был поддержать «Леф». Несмотря на эту общность происхождения двух групп, Ильязд никак не был связан с «Лефом». В его архиве нет ни одного письма от Маяковского. Оставшиеся на родине члены «41°» были в разной степени близки к «Лефу». Наиболее тесно связан с ним был Крученых. Терентьев же сотрудничал лишь в двух первых номерах журнала. Во втором номере он поместил стихотворение *ПЕРВОЕ МАЯ* и статью *ЛЕФ ЗАКАВКАЗЬЯ*. Он сотрудничал и в сатирическом лефовском журнале «Крысадав» (вместе с Кириллом Зданевичем). Однако уже с самого начала Терентьев занял по отношению к «Лефу» довольно критическую позицию: «"Леф" — само собой выйдет, что это — 41°. Прием испытанный и единствен[ный] — узурпация того, что всегда было нашим /.../ Название "Леф" разве не наше?» (Письмо И.Т. к Илье Зданевичу от 4.5.1923). Тем не менее, и Терентьев, и К.Зданевич просят Ильязда сотрудничать в «Лефе» и издать в Париже «хотя бы один номер по-французски». Терентьев еще раз появился в «Лефе» в 1924 (№2), поместив ответ на первые нападки на членов «41°» (*ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО гр. СОСНОВСКОМУ ПО ПОВОДУ ЕГО СТАТЬИ В «ПРАВДЕ» №113*). А в 1928 С.Третьяков, директор «Нового Лефа», еще раз выступил со статьей в защиту Терентьева.

⁵ Вторая жена Кирилла Зданевича (с 1927). Скончалась 28.12.1970, через год после смерти К.З.

Здравствуй, дорогой Илья!

Отвечаю тебе на письма — ничего утешительного нет, т.к. оттисков с иллюстраций нет. Я сам их заказывал, и они были в количестве 1020 шт[ук]. В Тифлисе нет меловой бумаги, и поэтому нельзя напечатать и черные, о цветных же мечтать нечего. Вообще если бы уплатили бы деньги, то это стоило бы дорого. Две есть возможности. Когда будут печатать 2-е издание, тогда допечатать для тебя будет можно. Но это будет через год. Как быть, вообще не знаю¹.

Выставка Пирсмани будет в Москве². Я уговорил Шеварднадзе³. Это выяснится скоро. Но, с другой стороны, я через 5 дней уеду в Москву, довольно с меня Тифлиса!

После выставки приму все меры, чтобы добиться поездки с выставкой в Париж.

Относительно картин, которые я хотел тебе переслать. Это чепуха, что они взяты на учет, тут она просто себя показала, а он согласился, но его как раз не было дома. Ни ребенка, никого тут приплетать нечего, словом, «молодец баба».

Если возьмешься за свои работы, то буду очень рад.

Поздравляю тебя с будущей перспективой, и поцелуй от меня Аксель⁴.

Оля вам кланяется.

Передай привет Зиге⁵ и скажи, что он поступает по-Якобштодски⁶ со мной — не может черкнуть ни слова.

Ну, целую тебя крепко.

Кирилл.

29.XI.1926

¹ См. прим.4 к письму №6.

² 25 февраля 1927 в Тифлисе открылась большая выставка Н.Пирсманишвили. Экспонировалось более 90 картин, среди которых 40 принадлежали Кириллу Зданевичу. Экспозиция как таковая в Москву не отправилась, но несколько вещей грузинского примитивиста были показаны на Выставке искусства народов СССР (см. прим.5 к письму №10).

³ Художник Дито Шевардназде был директором Национальной галереи Грузии. И.Зданевич участвовал с ним в экспедиции проф. Е.Такайшвили в области турецкой Грузии, занятой русскими войсками (июнь-октябрь 1917). И.Зданевич выполнил большое число фотоснимков и чертежей церквей и других памятников древнегрузинского зодчества. Е.Такайшвили, после долговременного пребывания во Франции, в 1947 вернулся в Грузию. В 1952 вышла из печати книга об экспедиции, в которой приведены многочисленные документы, выполненные И.Зданевичем, однако без указания его имени. Дито Шеварднадзе был одним из крупнейших коллекционеров живописи Пирсмани и организатором выставок его картин. Свою коллекцию он передал музею, которым руководил (см. письмо 13).

⁴ Аксель (Симона-Элиза) Брокар (1909-1978), подруга французского поэта-сюрреалиста Ренэ Кревеля (1900-1935), известная на Монпарнасе натурщица, позировала Паскину, А.Джакометти, Г.Мишонзе и др. Аксель и Илья Зданевич вступили в брак 18.9.1926, развелись в 1939. Об их детях см. ниже. Второй женой И.Зданевича (1943) была нигерийская княгиня (из племени Йоруба) Ибиронке Акинсемойин (1919-1945). Являясь британской гражданкой, она была арестована правительством Виши и отправлена в концлагерь, где заболела туберкулезом. От этого брака у И.Зданевича родился сын Шалва (1943). В 1968 И.Зданевич женился в третий раз на художнице-керамистке Элене Даар (р.1910); свидетелями на бракосочетании были поэт-дадаист Жорж Рибемон-Дессен и Пабло Пикассо.

⁵ Польский живописец Зига (Сигизмунд) Валишевский (1897-1936, по некоторым данным — 1939), брат первой жены Кирилла Зданевича. Один из наиболее талантливых художников тифлисского кружка. Уехал во Францию до 1920, оставался в Париже до конца 1920-х, затем переехал в Krakow, где был одним из признанных мастеров. Еще во Франции, в 1927, Валишевский потерял обе ноги вследствие болезни кровеносных сосудов.

⁶ Личность не установлена.

10

4/XII.[1927]

Здравствуй, дорогой Илья!

Получил три первые главы романа¹. Конечно, в таком виде их легче нести, но Оля перепечатала их на днях — трудно было найти машинку. Но чтобы можно было устраивать роман, нужно по крайней мере половину его. Я говорил с «Красной новью»², и там принципиально согласны взять его. Тебе выгодней будет печатать в журнале, а потом отдельной книгой. Итак, присытай

скорей продолжение. Роман мне нравится. Как ты живешь там и как у Пирумовых?³ Ты работаешь на фабрике?⁴ Как здоровье твое, девочки⁵ и жены? Передай Аксель мой и Олин горячий привет и всякие пожелания⁶. Оля напишет вам.

Выставка с Пирсманом открылась⁷, но пока нет никаких разговоров о покупке, но может быть продажа в Третьяковку. Возможна поездка выставки за границу — Берлин⁸. Я думаю, что там можно будет продать несколько картин. У нас их ведь очень много (54 шт.). Грузины разводят панику, сюда прискакал кто-то из Тифлиса и готовит какую-то каверзу с карт[инами], но я думаю, что вряд ли удастся им их получить даром. Если захотят сохранить их у себя, пожалуйста, всю коллекцию можно продать тысяч за 15-20. Но это только разговоры. Я пока никак не устроен, нет ни службы, ни комнаты, живем все в общежитии Рабиса⁹, тетка сумасшедшая¹⁰ нас прогнала из комнаты, а купить ее пока нет денег. Работаю неважно, не могу получить постановки в театре больше, но думаю, что в конце концов вылезу наверх. Пожалуйста, снеси Зиге это письмо, вот жалко его¹¹. Целую тебя крепко. Твой Кирилл.

Очень хотел бы встретиться с тобой и с тв[оим] семейств[ом].
Новый адрес мой: Петровский парк, Петровско-Разумовская аллея, дом 18а, мне.

¹ Речь идет о романе Ильязда *ВОСХИЩЕНИЕ*, законченном к весне 1927. На вечере 27.6.1927 у художника Г.И.Шильтиана Ильязд читал куски из него. О судьбе романа см. дальше.

² «Красная новь» в это время ориентировалась на попутчиков. В 1927 после кампании против журнала, начатой напостовцами, «Красная новь» переживала кризис, в результате которого создатель журнала А.К. Воронский был выведен из состава редакции, а в январе 1929 — арестован за «троцкизм».

³ О Пирумовых точных сведений мы не имеем. Возможно, речь идет об эмигрантах, вернувшихся в СССР около 1932. В парижском архиве Ильязда есть запись о том, что 15.4.1930 он дал Пирумову экземпляр своего романа *ВОСХИЩЕНИЕ*. Но возможно, речь идет о каком-то служащем советского посольства, с которым Ильязд был связан во время работы переводчиком при посольстве (1924). По-видимому, этот чиновник занимал довольно высокий пост, если Ильязд обращается к нему за помощью (см. письмо 16).

⁴ Илья Зданевич с января 1927 официально зарегистрирован как рисовальщик по ткани (он выполнял эту работу для С.Делоне уже давно, но спорадически и неофициально). Он работает на трикотажной фабрике Блак Белэр, которая станет с марта 1928 одним из известнейших предприятий «Ткани Шанель». В 1933 Ильязд становится директором фабрики. Его деятельность в области haute couture завершилась в 1937.

⁵ Речь идет о Мишель Зданевич, дочери Аксель и Ильи. Родилась в Париже 15 января 1927. Крестной матерью ее была знаменитая Коко Шанель, а крестным отцом — Владимир Зернов.

⁶ То есть к ожидавшемуся в феврале рождению ребенка.

⁷ Речь идет об открывшейся 7 ноября 1927 Выставке народов СССР к десятилетию Октября: «Через 1 месяц выставляю на выставке Народов СССР к 10 Ок[тября] 16 картин Пирсмана» (из письма Кирилла к брату от 25.9.1927). На выставке экспонировалось 23 картины Пирсмишивили: 1. Олень, 2. Медведь под лунным светом, 3. Красавица из Ортачалы с веером, 4. Рыбак, 5. Дворник, 6. Натюрморт, 7. Кутёж трех князей на лугу, 8. Кало I, 9. Кало II, 10. Арсенальная гора ночью, 11. Верблюд (татарский погонщик верблюда), 12. Путешественник, 13. Кутёж у Гвимрадзе, 14. Мальчик, 15. Грузинка в народной одежде, 16. Семейная компания, 17. Корова, 18. Красавица из Ортачалы, 19. Женщина со своими детьми, 20. Натюрморт, 21. Панно, 22. Белый духан, 23. Свадьба в старой Грузии (Свадьба в Кахетии). По книге-каталогу ПИРОСМАНИ, изд. «Аврора», Л., 1983, только шесть картин (№№1, 2, 3, 5, 6, 7) принадлежали коллекции И. и К. Зданевичей (по нумерации этого каталога — 2, 19, 67, 109, 151, 173). Среди картин, посланных К.Зданевичем на выставку, были еще №№4, 8, 9, 16 (см. письмо от 14.2.1928), №10 (см. письмо от 27.3.1930) (по каталогу — 102, 62, 63, 190). №№12 и 13 (кат.: 104 и 177) принадлежали Николаю Чернявскому (см. прим.6 к письму 1), который нашел их в духанах. М.Тоидзе нашел №22 и подарил эту работу Национальной галерее Грузии еще в 1920 (кат.: 199). №23 (кат.: 158) сам Пирсмишивили подарил Обществу грузинских художников в 1916.

В настоящее время почти все эти картины находятся в Национальной галерее Грузии, кроме №№4 и 9 (Третьяковская галерея), №17 (собрание И.Андроникова, Москва), №18 (собрание Т.Александровой — И.Попова, Москва) и №10. Судьба последней вещи замечательна. В 1930 она все еще находилась у Кирилла Зданевича, который сообщает брату, что она «никому не будет продана». Затем она оказывается у Лили Юрьевны Брик, а впоследствии попадает в коллекцию французского писателя-коммуниста Луи Арагона, мужа Эльзы Триоле и зятя Л.Брик, у которого она и оставалась до его смерти в 1982.

⁸ 23.7.1930 Д.Шеварднадзе пишет Ильязду: «Первая выставка Пирсмишивили предполагается в Дрездене в сентябре месяце, в других городах — в последующие месяцы. /.../ До Германии предполагается вы-

ставка здесь, а потом проездом в Москве». Выставки Пирсмишивили в Германии так и не было.

⁹ Рабис — профсоюз работников искусств.

¹⁰ Сестра Михаила Андреевича Зданевича — Инна Андреевна (ум. в Гандже в 1938).

¹¹ Речь идет о болезни и ампутации ног у С.Валишевского (см. прим.5 к письму 9).

11

Здравствуй, дорогой Илья!

Сегодня получил 5 главу: все они переданы редактору (зав.)¹ «Красной нови», через несколько дней я буду знать о возможности печатать там роман или нет. Сейчас закрывается 40 издат[ельств] в том числе и Круг², и будет трудней печатать, хотя твой р[оман] очень хороши и, думаю, пойдет.

2 картины купили за 700 р[ублей]: «Семейную компанию» и «Князя с канци» — в худ[ожественный] отдел Главнауки. Эти картины будут за границей в Париже на выставке. «Рыбак» и «Коло» будут в Третьяк[овке]³. Но больше продавать не буду. Натюрморт, мальчик и князья висят в нашем полуподвале.

Послал немного денег маме — и тут пришлось многое мне и всем купить, и нету 500 р[ублей]. Теперь, когда получу из Тр[етьяковки], они пойдут на хорошую комнату.

Сейчас у меня очень плохо с работой. Но теперь начинаю писать к весне картины.

Розыски картин Ларионова пока не привели ни к чему. Еще узнаю у Штеренберга и др.

Тебя можно поздравить?

Аксель передай всякие пожелания. Нам очень интересно, кто у тебя будет⁴.

Барту напишу, но тут беднота страшная, есть хороший Гончаров и Тышлер⁵, — остальные у вас. Скоро спишемся и пришлем карточку. Как фабрика? Может быть, когда-нибудь придется там работать и мне.

Ты знаешь Микадзе в Париже⁶?

Все целуем тебя и Аксель и детей.

Твой Кирилл.

Буду писать еще на днях.

Илья! ты мог бы прислать мне штук 6-8 разных номеров кистей, мелких и средних, Лефрана?⁷ Здесь совершенно нет хороших, и вообще нет, которыми можно было бы работать, и еще один мастихин — нету. Буду очень, очень благодарен.

Адрес наш тот же.

¹ Главный редактор А.К. Воронский к тому времени был уже выведен из состава редакции «Красной нови».

² «Круг» — кооператив писателей, организовавшийся в Москве в 1922. В нем принимали участие Вс.Иванов, Б.Пастернак, А.Аросев, Е.Замятин, Б.Пильняк, И.Эренбург и др. Они создали одноименное издательство и альманах. «Круг» был близок по направлению к «Красной нови». Деятельность его пришлось уменьшить к 1928, а в начале 1929 — он окончательно влился в издательство «Федерация».

³ Соответственно №№180 и 123 (с 1930 — в Русском Музее, Ленинград), 102 и 63 — по каталогу Кетевана Багратишили, *НИКО ПИРОСМАНИ*, изд. «Аврора», Л., 1983. Две последних картины, о которых Кирилл не сообщает брату, за какую сумму они были проданы, — перешли в Третьяковскую галерею прямо с Выставки народов СССР. В Париже выставка Пиросмани так и не побывала.

⁴ В четыре часа того же дня у Ильи Зданевича и Аксель родился сын Даниэль Ильич (19.2.1928).

⁵ Гончаров Андрей Дмитриевич (р.1903) — художник.

Александр Тышлер (1898-1980) — художник, с 1910 ученик Прахова в Художественной школе Киева, затем — ученик Александры Экстер. Много работал как театральный художник: исполнитель декораций для Еврейских театров Минска и Харькова, для Театра профсоюзов Москвы.

⁶ О путешествии в Париж А.Микадзе никаких сведений у нас нет.

⁷ Известная французская фабрика красок, основанная в 1720 и существующая по сей день.

Дорогой Илья!¹ То, что я дал Игорю денег, конечно, это ужасная оплошность — когда я получу их — неизвестно — но вот это было сделано почему. Крученых дал 100, Катаньян² — 60, Третьяков³ — 50 и я — 200. Этим мы поддержали его в самый трудный момент — без них не было бы показа его театра в Москве. Но по-

каз был, и его театр берут на госсубсидию. Другими словами, им одержана колossalная наша победа! Сейчас театр пока не работает, но, вероятно, останется в Москве. Игорь и Кашницкий⁴ делают всё, чтобы вернуть деньги, но когда это будет, не знаю — может быть, завтра, а может быть, через 2 недели. Я прямо болен от огорчения и расстройства из-за тебя, но кто мог думать, чтобы на их голову свалились 333 несчастья и деньги будут задержаны!!! Роман в «Федерации»⁵. Мне кажется, что и там не пройдет, но в Зибре уже подготовлена почва и туда, если мне вернуть в субботу эту, отнесу. Шклов[ский]⁶ помочь ничем не может, он уехал на Семиреч[енскую] ж[елезную] д[орогу]. Здесь была мама с папой. Жили неделю. Если бы их не было, то я мог бы собрать денег, но они мне стоили всё, что было.

Я жду одну работу на днях, и, если ее получу, то тогда без Игоря вышлю сто. Целую. Прости.

¹ Открытка, без даты. Штемпель московского почтамта от 28.5.1928.

² Василий Абгарович Катанян (1902-1980) — поэт, журналист, известный литературовед, специалист по Маяковскому. Был близким другом тифлисских заумников со временем «41°» и «Фантастического кабачка», участвовал в одноименном сборнике, автор сборников «Синим вечером» и «Убийство на романтической почве» (Тифлис, 1918 и 1919). В ноябре 1975, за несколько недель до своей смерти, Илья Зданевич после полувековой разлуки снова встретился с В.Катаняном и Л.Ю. Брик (25.11.1975), приехавшими в Париж на выставку «Маяковский — 20 лет работы».

³ Сергей Михайлович Третьяков (1892-1939) — директор «Нового Лефа», поэт, бывший преп. русского языка Пекинского ун-та (1924-25). Сочувствовал и покровительствовал заумникам. Арестован в 1937. О его помощи Терентьеву см. также письмо 13.

⁴ Владимир Самойлович Кашницкий (1897-1963), композитор, сотрудничал с Терентьевым во всех его ленинградских постановках, последовал за ним в Москву.

⁵ «Федерация» (Федерация объединений советских писателей, ФОСП) образована 27.12.1926 на объединенном собрании ВАПП (Всероссийской ассоциации пролетарских писателей), ВОКП (Всероссийского общества крестьянских писателей) и ВСП (Всероссийского союза писателей). Основную цель «Федерация» видела в «объединении различных писательских группировок, желающих активно участвовать в строительстве СССР и считающих, что советская литература призвана сыграть в данной области одну из ответственных ролей». Для этого «Федерация» пыталась выработать общую платформу для вошедших в нее объединений на основе резолюции ЦК РКП(б) от 18.6.1925 «О политике партии в области художественной литературы». Позже в ФОСП вошли «Леф», «Перевал», «Куз-

ница» и «Литературный центр конструктивистов». «Федерация» организовала свое издательство под тем же названием, выпускала журнал. В связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 23.4.1932 «О перестройке литературно-художественных организаций», Федерация, как и другие литературные группировки, прекратила существование.

⁶ Виктор Борисович Шкловский (1893-1984) познакомился с братьями Зданевичами в Петербурге во времена «Бродячей собаки». В книге *ЖИЛИ-БЫЛИ* (М., 1966) он дает иронический портрет молодого паладина художественного экстремизма Ильи Зданевича. Впоследствии они встречались в Тифлисе (осенью 1917 — по возвращении Ильи из экспедиции) и в Берлине (в декабре 1922, встреча описана И.Зданевичем в докладе *БЕРЛИН И ЕГО ХАЛТУРА*). В архиве И.З. хранится 3 письма Шкловского.

13

Здравствуй, дорогой Илья!¹

Я думаю, что это моя и твоя судьба — быть неудачниками! Ведь нужно было бы — Терентьеву обворовать тебя и меня, а редакциям возвращать роман! Игоря дела неважны, я думаю, что ему не дадут денег — слишком его театр экспериментальный и левый — не для рабочих. И, зная, что положение его безнадежно, выманить обманами у меня последние деньги! Это я ему не прощу никогда — бывают дни, что и Мирель², и мы тем более — сидим почти без еды, и за что всё это? Чтобы он мог продержать свой театр лишних два-три дня!! О его театре я пришлю тебе рецензии, а пока положу страницу из «Лефа»³. Пока о романе.

«Федерация» на голосовании отклонила его. Против были, кроме Фадеева («Перевал»)⁴, почти все. Начиная с заглавия — восхищение — некое мистич[еское] состояние духа. Весь роман построен на мистике. Это одно. Другое, какое твое отношение к действ[ующим] лицам? Эстето-наблюдательное равнодушие. Почему эти горцы — только зобатые и кретины? Что это за страна уродов? Футуризм повернулся за эти годы на 180°, но все это прошло мимо тебя, ты оторван от здешней жизни и требований. Роман можно и нужно переделать — в таком виде вряд ли он может печататься в СССР. Дальше, почему напущен такой туман, не указано приблизительно ни время, ни место. Материал у тебя очень интересный. Есть места великолепные — огромной образности и мастерства, но это ложный свет. Язык: видно, ты давно не был в России, язык очень странный, даже неуклюжий местами, как будто безграмотный. Их мнение — тебе совершенно необходимо приехать сюда хотя бы на время — здесь ты сможешь набрать-

ся заряду надолго, а еще лучше переехать совсем! Тут ты найдешь крупную литератур[ную] работу. Нужны и пьесы, и сценарии, и романы, и очерки, нужно стать своим: тогда и «Восхищ[ение]» сможешь протолкнуть. Везде завал своих, а тут еще оплачивай чужих⁵. Третьяков просил и спрашивал, почему ты утерял всякую связь с Лефом хотя бы? Не Крученых — он потерял всякий авторитет и значение — Круч[еных] сейчас не издает своих ве-щих, а Хлебникова в 100 экз[емплярах]. Круч[еных] и Терентьев — врачи, и конечно *ни тебе* ни мне ориентироваться на них нельзя, и ты только скомпрометируешь себя в литерат[урных] кругах, появиввшись с ним! Да, дорогой Илья, теперь не эпатировать нужно (Терентьев плохо усвоил это), а работать на СССР — литературные группировки все работают на это разными способами и умением, но нельзя применять к лит[ературным] приемам кри-тики 1916-19 г., как до сих пор разводят Круч[еных]. И он за бор-том общей работы и даже Лефа! Вот тебе Третьяков. Он стано-вится весомей Маяков[ского] и др[угих]. С ним считаются, и он крупный человек — а ведь Леф! (а зарабатывает: за квартиру платит 200 р[ублей] в мес[яц]).

Третьяков просил прислать 1 главу твоего нового романа и я прошу тебя это сделать. Он даст «консультацию»: стоит ли его продолжать (в том смысле, что пойдет ли он здесь), и вообще, если поправится, то он может очень много помочь. Но, ради бо-га, без ангелов и прочей сволочи. Делай ясную и чёткую класси-ическую линию и не путай язык.

Что я буду делать с ром[аном]? Я сейчас предлагаю его Бо-рису в Заккнигу⁶. Если у мамы есть сейчас экземпляр, она отне-сет туда, а нет — мне придется перепечатать здесь и послать. За это время я буду продолжать поиски и другие возможности его напечатания. Я Бориса предупрежу, что у мамы черновик. Как я живу? Сейчас плохо. Нет декоратив[ной] работы, живу обложка-ми. Это с работы 30-35 р[ублей] в месяц 3-5 шт[ук]. Алик в «Лес-ной школе». А мы в полуподвале тетки Нины (она у [неразб.] в Гандже) на 12 кв[адратных] арш[инах], тесно и сырь. Но не уны-ваю. Написал одну картину и буду еще делать. Выставлять буду осенью. Тружусь, результаты будут, но нужно еще год долбить. Подумай о приезде и отвечай. Я тебе еще на днях буду писать. Целуй детей и жену. Целую тебя. Оля целует всех. Фото пришлю, когда будут деньги сняться.

В рукописи ст[раница] 11.

Строка внизу: *Незнакомец окружил (?) монаха*. Замечено при чтении Фед[ерацией].⁷

Я согласен с мнением многих, что первая глава лишняя — мистикой, стилизацией и просто неинтересная.

Все, что я тебе писал, пожалуйста, продумай серьезно. Может быть, будут неудобства для семьи (твоей) в случае твоего приезда сюда, но опять-таки не отмахивайся от трудности, тебе пора взяться за свое дело — быть русским писателем — в этом тебя ждут и крупные победы и также деньги. Что ты добьешься в Париже? Пора ясно поставить вопрос о будущем и не забавляться *миражами*. Заумь — лаборатория, футуризм, в том виде, каком был, — давно умер. Цель — строительство, средство — мастерство формы. «Друзья» открыли лицо, да у них давно нет и старой платформы. Работать с ними, работать на них — для дела? Да, совершенно неизвестна или очень мало вразумительна платформа Игоревского театра — не в декларативном смысле. Конечно, не плохо, как Третьяков, написать несколько слов по поводу, но работать с ними, — нет, довольно!⁸

Пожалуйста, решай конкретно о твоем приезде сюда. До этого ты мог бы дать что-нибудь в Леф — посылаю тебе журналы — подумай серьезно и скорей отвечай⁹.

Твой Кирилл

¹ Письмо не датировано, но И.Зданевич, по-видимому, считал дело настолько важным, что сохранил копию своего ответа брату. При письме Кириллу Ильязд послал и свои возражения на критику, высказанную «Федерацией» (копия также хранится в архиве поэта). Дата ответа — 24.6.1928.

² Мирель Кирилловна (в замужестве Куталадзе, родилась 29.7.1929) — первая дочь Кирилла и Ольги Григорьевны Зданевич.

³ Речь идет о статье директора «Нового Лефа» С.Третьякова *ПЕРЕГИБАЙТЕ ПАЛКУ!* («Новый Леф», 1928, №5, с.33). Третьяков с восторгом хвалит терентьевскую постановку *РЕВИЗОРА* в театре Дома печати и поддерживает ее против критиков, возмущенных эротизмом терентьевской трактовки Гоголя.

⁴ Александр Александрович Фадеев (1901-1956) — писатель, один из руководителей РАПП и ВОАП, член президиума Союза писателей. Влияние Фадеева было уже тогда очень велико. Впоследствии — генеральный секретарь Союза советских писателей (см. подробней раздел *ВОСПОМИНАНИЯ* настоящего выпуска). В группу «Перевал» не входил.

⁵ Ильязд подробно ответил критикам из «Федерации» в письме от 24.6.1928:

Вот что делает мой роман неприемлемым, в передаче моего брата (цитирую): «заглавие "Восхищение" — некое мистическое состояние духа». «Весь роман построен на мистицизме. Далее, каково твое отношение к действующим лицам? /.../ ни время, ни место /.../. Язык очень странный /.../ безграмотный». Ни с одним из приведенных выше соображений я не могу согласиться. /.../ Если «восхищение» есть какое-то мистическое состояние духа, то не менее мистичны восторг, подъем, увлечение и т.д. /.../ Если придерживаться подобной терминологии, придется признать мистическими все состояния психики. Восхищение не мистика, это чувство предреволюционное и революцию сопровождающее. Я был на Финляндском вокзале в марте 1917 года во время памятной встречи. Восхищенного взгляда матросов, несших Ильича, я никогда не забуду /.../. Я переработал в моем романе впечатления, собранные мной в течение долгих путешествий по родному мне Кавказу /.../. Если после этого вы спрашиваете, каково мое отношение к действующим лицам, я недоумеваю. Я готов спросить — читали ли вы рукопись? /.../ после того, как автор выставляет самодурство властей, поборы, насилия над женщинами, расстрелы, карательные отряды — не ясно, как он относится к действующим лицам? /.../ Я знаю, что футуризм повернулся за эти годы. Но я плохо понимаю, почему этот эпитет был пристегнут к моему роману. Я, действительно, был футуристом (и первый в России заговорил о нем в конце 1911 года), но уже в 1914 слово это потеряло всякий смысл, чем и объясняется его «поворот на 180°», объединяя скорее людей, а не идеи. И с 1914 года я футуристом больше не называюсь (заумником — да, но это совсем не то же) /.../ Вы спрашиваете, почему /.../ я написал вещь, якобы вне времени и места? Я интернационалист, а не ученик Лескова. Я и имена взял такие, которые встречаются повсюду, чтобы не лишая вещь качеств зоркого наблюдения, отнять у нее тот невыносимый «style russe», которым /.../ еще щеголяют наши «бытовики». Мне писали также, что вещь производит впечатление «перевода с иностранного» — тем лучше. Но насчет «безграмотности» — это, во всяком случае, преувеличение. /.../ Если я представляю якобы святого, окруженного ангелами, и потом показываю, что это блудник, всякой сволочью окруженный, в чем же тут опять злосчастная мистика? /.../ Нельзя /.../ называть, положим, Горького, если его герои молятся, — религиозным писателем /.../ Но что более всего меня удивило, это замечание, что я оторван от жизни и ее требований. /.../ Всякий принимает участие в советском строительстве согласно своим возможностям. «Восхищение», где я воссоздал окружение гор подлой империей (это вся проблема быта горного крестьянства) — я полагаю, что это мой вклад в общее дело. От-

казать в приеме рукописи, это /.../ ваше право. Но что вы закрываете мне путь к работе, незаслуженно награждая меня репутацией мистика, против этого я возражаю.

⁶ Личность не установленная. В ответе брату Ильязду также спрашивает об этом служащем Закавказской книги: «Кто такой Борис?»

⁷ В своем ответе Ильязд предлагает: «Вместо окружил монаха, можно подцепил монаха и воздел его над пропастью». При последней редакции романа фраза приобрела следующий окончательный вид: «Незнамомец облапил монаха и воздел над пропастью». См.: *ВОСХИЩЕНИЕ*. Изд. «41°», Париж, 1930; репринт — Berkeley Slavic Specialities, Berkeley, 1983 с.20.

⁸ В ответе Ильязда: «Твое приглашение приехать платонично и преждевременно. Не забывай, что у меня двое малых детей и такая же беспомощная жена, что в Париже я живу в обрез, но наконец, после стольких несчастных лет, начинаю устраиваться. Ибросить это все, наложенное с таким невероятным трудом, ради миража "доходной" литературной работы. Пример Третьякова не доказательство. Маяковский тоже умеет вышибать рубли, а я никогда не сумею, так как не умею и не выучусь халтурить и многое прочее /.../. Решение вопроса дано в твоей фразе: везде завал своих, а тут еще оплачивай чужих. И эта формула теперь царит повсюду. Всё, что ты пишешь: как надо писать, очень хорошо. Но не так это все просто делается».

⁹ Дальнейшая судьба *ВОСХИЩЕНИЯ* была следующей: Ильязд сам издал роман в Париже. Он вышел в 1930. Д.Святополк-Мирский (NRF, décembre, 1931) и Б.Поплавский («Числа», 2/3-1930, с.258-259) откликнулись на него вполне доброжелательными рецензиями. Однако коммерческого успеха книга не имела. В 1983 ее репринтировали в США, в 1987 — она вышла в переводе на французский язык.

14

Здравствуй, дорогой Илья!

Я уже потерял счет месяцев, когда я писал последний раз тебе. Обстоятельства разные, но мама писала о тебе почти все, как идет у тебя. Сейчас тебе напишу о новостях, вряд ли приятной для тебя.

Около полутора месяцев тому назад Госиздат послал меня в Самару — установить рекламу и оборудовать магазины. Уехал с радостью — не выезжал из Москвы почти три года. Приехал, едва начал работать, телеграмма из Москвы от Шеварднадзе: «Приехал Москву вести переговоры насчет приобретения для галереи Грузии картин Пирсманни. Прошу приехать срочно на день. Проезд оплачу и пр.».

Отвечаю — приехать не могу, неустойка 700 р[ублей]. Новая телеграмма: «Наркомпрос совсем уезжает Европу конце февраля. Нужно сейчас кончить. Марте будет поздно. Послано спешное письмо. Отвечайте телеграфно».

Получил письмо, где он пишет, что в Грузии Пирсман будет конфискован бесплатно, все картины посылаются в Европу на выставку в Германии. Сейчас такое положение, что стало совершенно невозможно держать лучшие картины национального художника где-то в Москве. Из музеев Ленинграда и Москвы давно вывезли все грузинское и тем более забрали бы все бесплатно у частного лица.

Просит назначить сумму и кончить все к обоюдному удовольствию. Какое тут удовольствие! Отвечаю, припертый к стенке, — 8 т[ысяч] рублей. Он: «сумма колоссальная, максимум за 40 картин могу предложить две т[ысячи] 500 р[ублей]». Отвечаю — три. Получаю письмо от жены, где она пишет, что у Шеварднадзе на всю выставку с покупкой и пересылкой и ремонтом — 5 т[ысяч] р[ублей], так что я угадал, больше нельзя было бы взять¹.

Остались у нас следующие картины. «Мальчик» — маленький размер — твой любимый. «Арсенальная гора ночью», «Верблюд», «Черный лев», «Кутеж молокан» — все первоклассные картины, которые не будут никому проданы². Теперь у меня одна забота и желание — восстановить хотя бы до 10-15 картин собрание, и это можно вполне рублей за 500 с поездкой в Тифлис.

Вот как я распределил деньги.

У мамы долгов — 350 р[ублей] — оплачены.

У папы — 200 р[ублей] — оплачены.

Все остальные деньги в банке, за вычетом папе, маме и на покупку Пирсмана остается 1900 р[ублей]. Одну половину прячу для тебя (переслать нельзя), другую — меняю комнату (я живу с семьей в комнате 21 кв[адратный] ар[шин], полуподвал, сырая, уже третий год), — вот и все.

Сергей Матвеевич³ был как раз здесь и тоже сказал Оле, что лучше, конечно, продать, пока не отняли, самому Шеварднадзе пришлось свои 16 картин подарить Нац[иональной] галерее.

Очень жду от тебя ответа

Мы все здоровы. Через месяц жена и дочь едут в Тифлис, я же хочу после первого мая, когда кончу работу в Госиздате.

Как живет твоя семья и дела?

Сейчас я стал хорошо зарабатывать — до 350 р[ублей] в месяц. Это тут очень хорошо, работаю в Госиздате, но дальше видно будет.

Отвечаю.

Целую тебя крепко

Твой Кирилл.

Володя⁴ в Москве замдиректора Синей Блузы — живет не плохо.

Еще раз целую детей,

Брат.

27.III.1930.

Москва.

¹ Ответа Ильязда в нашем распоряжении нет, но продажа картин Пирсмани глубоко его опечалила, как это видно из письма Д.Шеварднадзе к И.Зданевичу от 23.6.1930: «Вы, кажется, очень огорчены, что Кирилл продал нам своего Пирсмани. Будьте уверены, что более подходящего места, как Нац[иональная] галерея, для Пирсмани нет. Было бы стыдно, если бы Пирсмани не был на своей родине представлен как следует. Что мало заплатили сравнительно, это мы по средствам, слава и честь Кириллу, что он пошел нам навстречу, он же не для спекуляции собирал».

² «Мальчик» — вероятно, «Мальчик в национальном костюме» (в настоящее время хранится в собр. М.Чаурели, Тбилиси); «Верблюд» — в собр. И.Сановица, Москва; «Черный лев» — в собр. М.Куталадзе, Тбилиси; «Кутёж молокан» — в музее Н.Пирсманишвили, Мирзаани. О судьбе «Арсенальной горы» см. прим.7 к письму 10.

³ Сергей Матвеевич Ромов (1883-1939) — критик, покровитель молодых русских поэтов в Париже, редактор парижского журнала «Удар» (1922-23, вышло 4 номера), друг дадаистов. Выступал свидетелем обвинения на так наз. «деле Барэсса» (см. «Littérature», п.20, août 1921, p.7-9). Был близким другом Зданевичей (особенно Ильи, с которым основал поэтическую группу «Через»). В 1927 поехал в СССР, рассчитывая скоро вернуться в Париж, где оставил жену и больного сына. Однако в Париж возвратиться уже не смог. В конце 1930 Ильязд обратился ко всем бывшим друзьям Ромова, чтобы собрать деньги для лечения сына Р., больного туберкулезом. В СССР Ромов работал некоторое время в «Литературной газете», затем был арестован. Умер вскоре после освобождения. Иллюзии, которые левые художники русского Монпарнаса питали в отношении СССР, хорошо видны из заявления «Союза русских художников», секретарем которого был Ильязд. Оно было сделано в январе 1926: «После признания СССР Францией общее собрание Союза от 15 января приняло резолюцию о своей лояльности в отношении СССР. В период орга-

низации отдела СССР на Международной выставке — члены Союза оказали деятельное содействие. В настоящее время ими сделаны заявления о возвращении в подданство СССР, и Союз стремится стать артистическим центром советской колонии Парижа». Неизвестно, было ли это заявление передано в советское посольство. Во всяком случае, сам Ильязд, который в качестве секретаря Союза писал этот текст, — до самой смерти сохранял статус беженца. Его ответ на приглашение в СССР смотри в письме к Кириллу (прим.8 к письму 13).

⁴ Речь, вероятно, идет о дяде Ильи и Кирилла Зданевичей — Владимира Зданевиче.

15

Здравствуй, дорогой Илья!

Несколько открыток я тебе послал, но видно из твоих писем маме, ты их не получил, впрочем, и твоего письма я не получил. Попробуем, это дойдет ли. Хочу послать тебе газеты «Литер[атурную]» и «Советское искусство» — они тебя интересуют? Что ты хочешь из книг — я тебе пошлю с удовольствием все, что хочешь. Я покупаю довольно много лите[ратурных] новинок (в большинстве барахло). Сейчас работаю над передвижными выставками и немного пишу маслом, но, к сожалению, маслом работаю мало, хотя красок и проч[его] у меня много.

Семейство мое обогатилось еще девочкой¹. Большое развлечение в маленькой комнате. Двое девочек, мамаша и я, попробуй зайдись чем-либо! Впрочем, при благоприятных условиях в дальнейшем имею возможность получить квартиру (2-3 ком[наты]) в Городке художника, где всегда будет комната для родителей и для тебя. Но думаю, что тебе так же трудно, как и нам, уехать (тебе еще трудней) — вот Ромов торчит тут со своей любовью, вздыхая, кряхтит и стареет. Был у нас Парнах², больше интересовался нами, а о Париже говорил меньше. Если благополучно окончится моя работа, то с Мирилью поедем в конце апреля на две недели в Тифлис повидать стариков.

Мог бы прислать кое-что из трикотажа? Тогда я тебе написал бы. Если бы была телефонная связь с Парижем, я поговорил бы с тобой, но думаю, что скоро будет и это возможно. С Лондоном уже установлена. Пожалуйста пиши, что тебе нужно из книг, журналов. Мне же было бы интересно какой-нибудь Art и Миур-ар-спорт, что ли.

Привет от Мириль и
Оли.

Мирель целует брата и сестру своих и спрашивает, как она будет с ними говорить, и просит ее учить французскому.

Видел ли Зигу?³ Пришли его адрес.

Я его целую и тебя.

Твой Кирилл.

24.III.1932

¹ Валентина Кирилловна Зданевич родилась 19.2.1932.

² Валентин Яковлевич Парнок (псевдоним: Парнах, 1891-1951), поэт, переводчик, журналист, балетмейстер. Брат поэтессы Софьи Парнок. Был близок с французскими и немецкими дадаистами, стихи которых переводил на русский язык и для которых перевел на французский русскую авангардную поэзию. Живя в Париже с 1915, вместе с И.Зданевичем, С.Шаршуном, Г.Еванголовым и др., принадлежал к «Палате поэтов», затем входил в группу «Через», основанную И.Зданевичем 24 ноября 1922. О В.Я.Парнахе см.: Marzio Marzaduri. *DADA RUSSO*, Ed. Il cavaliere azurro, 1984, с.153-158; Л.Флейшман, Р.Хьюз, О.Раевская-Хьюз. *РУССКИЙ БЕРЛИН 1921-1923*. Париж, ИМКА-Пресс, 1983, с.312-314. В последней книге нам представляется ошибочным утверждение, что В.Парнах вернулся в Москву уже в 1922. Оно основано лишь на советских изданиях в 1922-1930 его статей о французской поэзии. Мы считаем (как и М.Марзадури), что Парнах окончательно вернулся в СССР в самом конце 1920-х. Еще в 1928 И.Зданевич заказывает ему перевод на французский язык («уплачено по 75 фр. за главу») своего романа *ВОСХИЩЕНИЕ*. Парнах перевел 4 первых главы. К тому же, в архиве И.Зданевича хранится открытка, датированная 17.8.1928, посланная Парнахом из Сен-Мalo, где он сообщает, что после 10 дней в деревне «на днях уже [будет] в Париже».

³ О Зиге Валишевском см. прим.5 к письму 9.

16

Здравствуй, дорогой Илья!

Я надеюсь, что эти два письма дойдут до тебя, и можно написать, не ожидая взоров «недремлющего ока». Итак, года полтора я тебе не писал — не писал вовсе не потому, что не хотел, а потому, что слишком отвратительно вечно думать, что ты пишешь, как это может быть истолковано — враг ты или еще хуже чего пр[очее]. Работал я в одном симпатичном заведении: в одном из руковод[ящих] органов НКЗ¹ (я «оформлял» выставки-передвижники, диаграммы), и вдруг в один прекрасный день все соработники

— объявлены вред[ителями] и расстреляны, а другая часть — журналисты — получили 10 лет. Впрочем, пример еще ближе: И.Терентьев — оказался и то и се, один год сидел в ЧК, а потом получил 5 лет на работы в Карелию². Словом, понятно, что очень трудно здесь жить с идеологич[еской] стороны, так что ли, если можно выразиться, вовсе не потому что враг и контра, как раз нет, я работаю активно в стройке СССР — выставки, уголки и пр. и пр. У тебя же представление не совсем верное, и даже просто ошибочное, о жизни здесь. Например, для меня совершенно дико было услышать, что ты послал телеграмму Пирум[ову]³. Неужели тебе не ясно, что Пир[умов] тобой скомпрометирован, Парижем, и всякое твое обращение к нему больше чем неуместно и нелепо. Конечно, он ничего не ответил, да и вообще, какое дело ему до нас? Все равно, что послал бы телеграмму Пуанкаре что ли, чтобы он дал тебе денег, или что-нибудь в этом роде. Или жалко, что ты его не знаешь: он мне наврал, что перевел, но мама пишет — не получала. Позвоню еще ему. Но лучше бы вместо посылок, телеграмм, никому не нужных, перевел бы лишние франки старикам. Теперь о родителях: папа не может работать, в прошлом году я заработал до 20 000 р[ублей], на эти деньги мама ездила в Ессентуки³, папа ко мне на дачу. Я себе во всем отказывал даже (не мог купить костюм, впрочем, это здесь — событие). Но все проходит. Кстати это стоило до 4 т[ысяч] р[ублей]. Сейчас у меня нет таких работ и не будет этот год, в результате я не могу посыпать в месяц и 200 руб[лей] в Тиф[лис]. Старики живут на мои и твои посылки, впрочем, что такое мои двести, когда кило хлеба — 18 р[ублей], мясо — 20 р[ублей], лобио — 6 и т.д. Эти деньги на 5 дней да твои дни на 10, а остальное? Итак, дорогой Илья, как-нибудь усилить помощь, обидно и очень тяжело: старики на конец жизни голодают. Я постараюсь взять папу на лето на дачу, но как с мамой? Перспективы очень грустные. Что касается поездки в Париж мамы или папы, это вряд ли возможно. Разлучать стариков нельзя, а выехать вместе — это почти невозможно. Что касается твоего приезда, то это по-моему тоже невозможно, не советую даже думать об этом. Почему? Да хотя бы потому, что с кем ты там встречаешься, и пр[очее]. Кстати, наш друг Сер[гей] Матвеевич сидит уже более 3-х месяцев в Бутырках⁴.

Итак, я кончу невеселые страницы. Тебе их передаст человек, который все видел здесь.

Дети мои здоровы, и я так же.

Целую твоего Даниеля и его сестру. Привет жене.

Воздержись от телеграмм, и афишированных посылок денег — здесь всё иначе.

Если бы можно было прислать несколько журналов спортивных.

Илья, пожалуйста, дай джемпер подателю письма, он был добр, оставил мне свой здесь. Купить нельзя. А также несколько носков. Я тебе пришлю бандеролью несколько книг, кот[орые] тебе будут интересны.

Целую тебя крепко, крепко, прости за это письмо, я очень спешу его писать.

Еще раз целую тебя.

Твой Кирилл.

28.III.1933.

Москва

¹ Народный комиссариат земледелия.

² О судьбе Игоря Терентьева см. прим.2 к письму 5.

³ О Пиуромове см. прим.3 к письму 10.

⁴ В парижском архиве И.Зданевича хранится снятая в Звенигороде фотография семьи Зданевичей вместе с Сергеем Ромовым. На обратной стороне снимка помечена дата: 28 августа 1933. Т.о. либо датировка ошибочна, либо Ромов уже не «сидел в Бутырках» к тому времени.

II. ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ

В продолжение всей своей жизни Илья Зданевич возвращался к мемуарным заметкам о Нико Пирсманишвили, художнике-примитивисте, с работами которого братья Зданевичи и М.В. Ледантю познакомились в 1912 г. в Тифлисе. Первая статья о творчестве Пирсманишвили стала в то же время и первой печатной работой самого Ильи Зданевича. Она появилась в газете «Закавказская речь» от 10 февраля 1913. 22 июня 1914 г. Зданевич опубликовал в газете «Восток» манифест с призывом о помощи Нико Пирсманишвили. 60 лет спустя, в 1973 г., Зданевич, превратившийся к тому времени в Ильязда, — переиздал эту работу во французском переводе с иллюстрациями Пабло Пикассо. Это стало его последним выступлением в печати.

В бумагах Ильи Зданевича содержатся также многочисленные мемуарные записи (на русском и французском языках), часть из которых посвящена Пирсмани, «открытым» Зданевичами и Ледантю, и др. художникам. Публикуемые здесь фрагменты, по-видимому, представляют собою вариант статьи для альбома, который художник Давид Какабадзе (1889-1952) хотел посвятить творчеству Пирсманишвили, но который так и не вышел в свет. Д.Какабадзе жил в Париже с 1919 по 1927 гг., после чего возвратился в Тифлис. Целый ряд замечаний, разбросанных в этой тетради, равно как и в самой статье, позволяет отнести настоящий очерк о первой встрече Ильи Зданевича с Нико Пирсмани, — к 1927 г. Кроме того, мемуарист вспоминает о своей первой встрече с В.Бартом и М.Ледантю. Нам неизвестно, передал ли Ильязд полный текст настоящего очерка Д.Какабадзе и существовал ли вообще такой завершенный вариант. В настоящей публикации мы попытались восстановить логический порядок фрагментов, безусловно составлявших единый текст.

ПРЕДСЛОВИЕ

Мы любим кичиться той школой, которую прошли мы за эти годы. Молодые буяны пятнадцать лет назад, свергнувшие все кумиры, провозгласившие новое зрение и ухо, мы были принуждены дважды — войной сперва, революцией потом — пересмотреть наши новые взгляды и вышли в конце концов победителями. Однако эти испытания не принесли нам еще той свободы, которую мы чувствовали, требовали для себя с первых дней нашего бунта. Еще и теперь понятия совсем другого порядка, чем искусство, — переход к высшим формам существования, попытки осязать подлинный, скрытый мир — руководят нашими мнениями и поисками. Вот почему личность Пирсманишвили, одного из величайших мастеров современной живописи — кажется нам загадочной, и определение самоочки как бы позволяет нам замаскировать наше ослепленное бессилие. Между тем, ничего загадочного в этом случае нет.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПИРОСМАНИШВИЛИ

Гоголевская улица, расположенная у самого вокзала, начинается, кажется, у таможни и, пересекая так называемую Вокзальную, тянется домами на запад. Угол ее при пересечении с вокзаль-

ной артерией оживлен, по нему с утра до вечера взад и вперед тянутся извозчики, нагруженные мешками, чемоданами и преимущественно корзинами — излюбленным способом упаковки тифлисцев. [Он] занят бакалейными лавками и винными погребами, в числе их упомянутый погреб Баядзе. Но дальше улица была тихим пристанищем, где на выкрашенных мелом дворах ютятся железнодорожные служащие преимущественно.

Покинув «Кардинала», я спустился по улице, имени которой не помню, вниз, пока, не сделал и сотни шагов, достиг улицы Гоголя и повернул направо, бегом, держась южного ее тротуара. Улица была пустой и обыденной. Но когда я настолько приблизился к Вокзальной, что готов был потонуть в ее шуме, крике рыботорговцев, пении зеленщиков, быть задавлен трамваем, — мне представилось зрелище, смысл которого я сразу не понял или даже не хотел понять. Рядом со мной стоял сгорбившийся старик в серой изодранной и замасленной паре, в рваной обуви, с красными опухшими руками. Лицо неизлечимого пьяницы, хотя и было покрыто черной с проседью бородой и густыми, ниспадавшими усами, казалось заостренным, больным. Изношенный фетр, посыпанный прелью. И в поднятой руке, дрожащей, точно от бессилия, испуга, или умолявшей о пощаде, — орудие тайны — тонкая кисть, которой на стене он, голодный, выводил слово «Обед». Я окликнул его невольно, не веря, не соглашаясь, что это он. Старик обернулся. И вдруг упал как приговор взгляд очей, слезящихся, черных, воспламененных, жутких, нечеловечьезвериных. Увы, я знал, что это — Пирсманишвили. Пирсманишвили, герой снов моих и мечты в течение долгих месяцев, певец моей родины, истолковавший ту любовь, которая руководила мной неисчислимыми путями — в поезде, верхом, вплавь, на работах и кутежах, — мудрец, один где[-то] в глухи постигший тайны живописи, сумев увидеть то, что никто не видит, неуловимый, единственный чародей. Лучше бы я тебя никогда не видел.

Старец (мне не подыскать другого слова) был слишком велик, чтобы я мог обратиться к нему с присущей мне развязностью. Этот бояк, от которого несет краской, этот опустившийся маляр — Пирсманишвили. Что же мне делать, куда мне деться?

Старик принял меня безразлично, почти надменно. Он знает, что я его ишу и что ищу весь год. Но он сейчас занят, после завтрака в «Карданахе» он готов меня выслушать.

Но когда я расстался с ним, внеземная радость овладела мной. Я бежал домой рассказать, что нашел Николая, что Николай напишет мне множество картин, что участие его на выставке обеспечено. Я не видел больше ни лохмотьев, ни лица, ни лихорадоч-

ных рук, а только голубое небо, пейзажи, женщин, идущих за водой, львов и кутил, рассевшихся вокруг нашего покрытого клеенкой стола!

Но после полудня надо было вернуться к действительности. Я поехал на Молоканскую. В погребе на Молоканской мне отвечали, что Николай отдыхает после завтрака и сейчас придет. Николай ждал меня, опершись на стойку перед недопитым стаканом. Заговорив с ним, я убедился, что моим надеждам оставлено даже меньше места, чем я полагал. Старик, хотя и не пьяный, отвечал на вопросы бессвязно, точно держаться за нить мысли ему уже было трудно. Я говорю старик, [а] ведь ему, оказывается, было всего пятьдесят лет. Но что его могло уже так растоптать и унизить, если не страсть к вину, которой он болен уже 10 лет.

Я упорствовал, точно стучался в двери, за которыми готовится развязка драмы. Слишком поздно. Все, чего я добился, кое-как растопив его недоверие, — что старик напишет мой портрет², что мне давало возможность провести несколько дней в обществе мечты, которую я не хотел уже хоронить. Назавтра я должен был начать позировать тут же, пользуясь любезным согласием владельца Сандро Кочлашвили.

Но вечером другие чувства озабочили меня. Надо помочь дежурно художнику, как-нибудь смягчить эту страшную нужду. Быть без денег, чтобы собирать его клеенки, туда-сюда, [но] обеспечить хоть чем-нибудь самого мастера, больного, нищего... Я пошел к одному из моих знакомых, проживавшему в своем доме на Московской улице, — присяжному поверенному Канчели³, с которым, несмотря на разницу лет, меня долго связывала дружба. Я полагаю, что был достаточно красноречив, чтобы убедить его наутро съездить со мной на Молоканскую. Канчели нашел, что состояние Николая безнадежно, хотя и готов был принять мою мысль — дать художнику большой заказ: расписать столовую в его доме. Но протест домашних оставил пожелание это неосуществленным.

Дом Канчели был в эту эпоху самым видным и левым артистическим салоном Тифлиса. На широкой веранде, выходившей в небольшой огороженный дворик с садом, а когда было холодно — в квадратной гостиной, украшенной коврами и миниатюрами, непереводившиеся гости играли с трех часов дня и до полуночи в нарды, в рамс, говорили о поэзии, живописи, о последних покупках у старьевщиков [...]

ЮНОСТЬ. ВСТРЕЧА С ЛЕДАНТЮ

[...] напоминанием о стране, которую я покинул много лет назад⁴, с которой я еще поддерживаю слабую связь, но облик которой все больше и больше изглаживается в моей памяти. Однако историю, о которой меня спрашивает Какабадзе⁵, я помню столь отчетливо, столь в свое время она потрясла и всколыхнула, что мельчайшие подробности этой драмы, в которой с внешней стороны не было ничего драматического, я могу и сейчас рассказать во всех деталях.

Какабадзе пишет своим почерком, мелким и напоминающим скорее почерк начетчика, чем живописца, что Нико Пирсамишивили, художник-самоучка, умерший от нищеты и пьянства девять лет назад и украшивший своими выдумками и портретами родные кабаки и погреба, — входит на родине в славу, украшает государственный музей и удостоился даже роскошного издания, снабженного множеством иллюстраций и торжественных статей. В них несколько раз упоминается мое имя, как в статье, подписанной моим братом, оставшимся там с семьей, так и в других, так как я знал покойного, позировал ему для портрета и покупал его kleenki (я говорю kleenki, а не холсты, так как старик писал чаще на черной kleenke). Но так как торжественные статьи полны странных противоречий и вообще вызывают ряд сомнений, Какабадзе просит меня восстановить во всех деталях историю моей встречи с живописцем. И я это делаю — крайне неохотно, не потому только что я ленив до пера. Но воскрешать эту поросшую мхом историю — значит рассказать об одном из самых жестоких уроков, полученных мной у судьбы, и вызвать образ самонадеянной молодости, увы, отцветшей... Однако написать несколько страниц значит эту молодость пережить, и ради этого я готов потрудиться, надев роговые очки и наполнив до отказу стило.

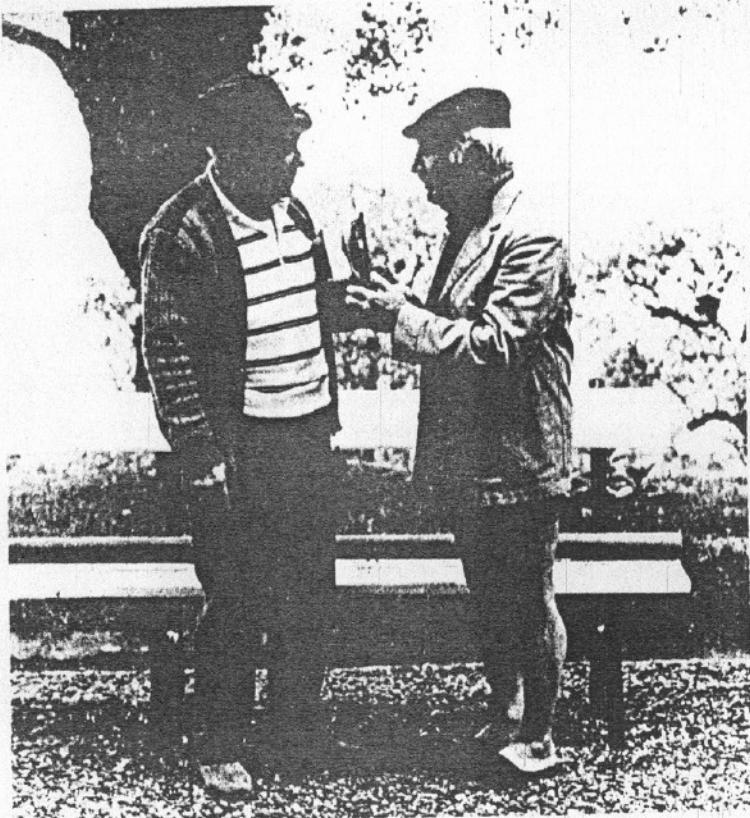
Стоят ли внимания читателя все те подробности моей личной жизни, которые я должен привести в обилии и без которых сама история встречи останется жутким, но невразумительным скелетом?

Город Тифлис — моя отчизна, расположенный на ... долготе и широте, на берегах реки Куры, был некогда столицей Грузинского царства, история которого уходит вглубь эпохи, предшествовавшей Рождеству Христа. В XVIII веке изнеможденные борьбой с соседними Персией и Турцией, грузины искали защиты у русских царей, что и позволило последним при первом же удобном случае сделать Грузию одной из русских губерний. Тогда Тифлис

Кирилл и Илья Зданевичи (Тифлис, 1918)

Эта и дальнейшие фотографии и документы хранятся в архиве Ильязда. Пользуемся случаем поблагодарить г-жу Зданевич за предоставление их для печати.

П.Пикассо (слева) и И.Зданевич
(Париж, 1960-е)

становится резиденцией русского наместника, какого-нибудь генерала или князя, бесконтрольно хозяйничавшего в этом отдаленном углу империи. Население города возрастает, увеличиваясь за счет пришельцев — преимущественно русского служилого и рабочего класса и торговцев армян и азербайджанцев, татар. Школа, учреждения — все делается русским, и процесс обрушения местного населения идет весьма быстро. Но указанные условия делают Тифлис по культурному уровню много выше провинциального русского города, сохранив за ним весьма своеобразную смесь столицы и глухой провинции.

В этом городе я и родился⁶. Отец мой был преподавателем французского языка⁷ и литературы. [Здесь я] провел детство и затем окончил гимназию. Так как семья наша была одним из культурных очагов, то дом наш усердно посещался художниками и литераторами, туземными и заезжими. С детства брат мой и я брали уроки живописи (братья мои сделались художниками, я же занятия эти бросил), позже — изучали грузинскую старину (с какой целью немало путешествовали) и были непременными посетителями всяческих обществ города — художественных, археологических, музыкальных, географических и прочих. Никогда в этом мире я не слышал имени Пироманишивили, не встречался в быту с его картинами.

Образовательная поездка по России, предпринятая нами совместно с моим отцом летом⁸, сыграла большую роль в наших дальнейших судьбах. В Казани на выставке, устроенной в местной школе живописи, мы познакомились с новой живописью, с отголосками живописи Матисса, которых мы не могли видеть в московских галереях, где нас кормили художниками «Мира искусства». Однако пророчества Александра Иванова и предчувствия Врубеля, что картину надо строить, — были для нас откровением. В Киев мы поехали смотреть Кирилловский монастырь. Архаическая, так называемая, живопись, представилась нам не той, какой она понималась до того — «неумелой».

В 1911 я окончил гимназию⁹ и переехал продолжать учиться в Петербург, уже футуристом при этом, так как с весны этого года я затеял переписку с Маринетти и зубрил наизусть его манифест¹⁰. Брат же мой расстался с Тифлисом годом ранее, провел год в Москве, где вошел в круг живописцев-бунтарей того времени, а в 1911 переехал также в Петербург, где я его и застал. Мой футуризм позволил мне сразу войти в круг его единомышленников и быть дружно принятым.

Памятный год. В это лето я подружился с присяжным поверенным Канчели, любителем искусств и старины, и все лето

пьянировал с ним и его друзьями и родственниками в деревне, где порой мы выпивали за день (пирушки начинались в полдень и кончались на рассвете) по 10 бутылок вина каждый.

Все рушилось. Из Италии Маринетти присыпал мне манифести и своего [неразб.] и казалось, наступал час великих свобод. Куда мы ни кидали взгляд, видели новое, а старые ценности рушились в прах. Как мы презирали в эту эпоху Ренессанс со всеми его рафаэлями, и наших отечественных гениев.

Одно событие, характерное в судьбах новой русской живописи, произошло в эту эпоху. Три молодых художника, ученики Академии художеств по классу Ционглинского — Барт, Ледантю и Сагайдачный — были исключены из Академии за левизну артистических идей¹¹.

В вечер этого события я был у Барта, взвешенного и без умолку кричавшего, на третьей линии Васильевского острова. В комнату, скучно освещенную единственной лампой,бросавшей свет на писанного киноварью натурщика (повод к исключению), вошел застенчивый молодой человек, русый, с козлиной бородкой и говоривший почти шепотом. Это и был Ледантю, отношение которого к истории было противоположно отношению Барта. Спокойно, безразлично, как бы с покорностью, разговор шел и об Академии, и о моих фотографиях, снятых в путешествии летом в Осетии, и о «Парикмахере» Ларионова, который висел в то время на выставке «Мира искусства» на Троицкой улице.

Ледантю был не только превосходным художником, но он был и самым зрячим художником своего времени. Он никогда не говорил много или громко. Но несколько почти шепотом брошенных фраз, сопровождавшихся застенчивым жестом нежнейших рук, разили, разбивали, рушили и вместе с тем приподнимали завесу. Я с ним быстро подружился.

Один порок, и притом наследственный, преследовал Ледантю — он был пристрастен к вину. То и дело, приходя к нему, я заставлял его пьяным или отсыпавшимся после попойки. Ледантю стыдился, пытался скрывать свой недостаток, но вино было сильнее его. Я думаю, оно и послужило причиной его гибели.

Мой брат иногда не отставал от него. 18 января, в день своих именин, он вернулся к полудню вдребезги пьяным, и мне ничего не оставалось, как, надев шубу, уехать на Гороховую, где Ледантю жил со своей матерью, вдовой военного врача¹², в двух убогих комнатах. Там я узнал, что в это после обеда в Троицком театре состоится диспут о новом искусстве, куда мы сообща и отправились и где я выступил впервые с проповедью футуризма. Так определилась на многие годы моя профессия.

Зима, особенно суровая в том году, еще не кончилась, когда Ледантю и брат мой покинули Петербург для Москвы, чтобы участвовать в устройстве столицей нашумевшей тогда выставки «Ослиный хвост»¹³. Из Москвы они проследовали на Кавказ, брат мой — домой, Ледантю же — приглашенный к нам погостить у нас летом. Однако, усердное знакомство с духанами — как там зовут кабаки, было видимо причиной того, что в квартире моих родителей в Кирпичном пер. Ледантю прожил месяца два, а потом переселился в ателье на Гунибскую улицу, в бывший дом моей матери. Когда, сдав к маю зачеты в Университете, я также явился домой на каникулы, в этом ателье висела картина Пироманишвили «Обед носильщиков».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Илья Зданевич встретил Н.Пироманишвили в декабре 1912, возвратившись на рождественские каникулы из Петербурга, где он обучался на юридическом факультете Университета. Однако первое знакомство с творчеством Пиромани братьев Зданевичей и Ледантю произошло летом 1912. Тогда же Ледантю приобрел первую картину художника у владельца одного из тифлисских духанов.

² Портрет Ильи Зданевича Пиромани писал с 27 января по 1 февраля 1913. (См.: Кирилл Зданевич. *Н.ПИРОСМАНИШВИЛИ*, М., 1964, где приводятся записи Ильи). Портрет выставлялся в том же году в Москве вместе с другими работами Пиромани («Мишень», 24 марта — 7 апреля 1913). Картина находилась затем в собрании Кирилла Зданевича, затем в коллекции Т.Александровой и И.Попова в Москве, в настоящее время — в собрании С.Шустера, Ленинград.

³ Канчели Александр (Сандро) Иванович, грузинский общественный и литературный деятель, поэт, издавал совместно с Г.Диасамидзе в Тифлисе газету «Республика» в 1917-1918. Участвовал в жизни «футуристического» Тифлиса, написал стихи в честь «Фантастического кабачка» (см. *A VANGUARDIA A TIFLIS*, Venezia, 1982, p.317).

⁴ И.Зданевич покинул родину в октябре 1920.

⁵ См. Предисловие к разд. II.

⁶ И.Зданевич родился в Тифлисе 21 апреля (9 апреля, ст. ст.) 1894.

⁷ В первой мужской гимназии. Среди его коллег упоминается Александр Ельчанинов; а среди учеников М.Зданевича — Николай Черняв-

ский (будущий поэт-футурист) и С.Спасский (см.: С.Спасский. *ВОСПОМИНАНИЯ*. М., 1940). В той же гимназии с 1900 по 1903 учился и Н.С. Гумилев, который возможно также проходил курс французского языка у М.Зданевича.

⁸ Летом 1910.

⁹ На выпускных экзаменах И.Зданевич получил высший балл почти по всем предметам, кроме древней литературы (4) и немецкого языка (4) и был удостоен серебряной медали.

¹⁰ Первый манифест футуризма появился в газете «Le Figaro» по-французски 20 февраля 1909 и лишь после этого по-итальянски в газете «Рое-сия». В феврале 1910 появился манифест художников-футуристов, а в январе 1911 — музыкантов-футуристов.

¹¹ Ледантю поступил в Академию художеств осенью 1909. О Викторе Барте см. прим.5 к письму 3 Кирилла Зданевича. Оба были исключены из Академии художеств в январе 1912.

¹² Отец художника Василий Ледантю работал врачом в с.Чижове Бежецкого уезда Тверской губ. Умер от тифа вскоре после рождения Михаила Ледантю.

¹³ Вернисаж состоялся 20 марта 1912. Выставка продолжалась до 7 апреля.

ПИСЬМА Н.С. ГОНЧАРОВОЙ И М.Ф. ЛАРИОНОВА К ОЛЬГЕ РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЭЛЛИ

Публикация Э.Гарэтто

Письма Н.С. Гончаровой (1881-1962) и М.Ф. Ларионова (1881-1964), предлагаемые в настоящей публикации, находятся в архиве О.И. Ресневич-Синьорелли, хранящемся в Венеции (Fondazione Cini). Они являются свидетельством крепкой и многолетней дружбы крупных русских художников с Ольгой Ивановной Ресневич (1883-1973), переводчицей, знатоком и популяризатором русской культуры в Италии. Переписка продолжалась более 40 лет, почти до самой смерти корреспондентов. С Ольгой Ресневич-Синьорелли Ларионов и Гончарова познакомились в Риме, куда они приехали с С.П. Дягileвым, Л.Ф. Мясиным и с администратором «Ballets Russes» С.Л. Григорьевым в октябре 1916 г.¹

Сотрудничество обоих художников с труппой Дягилева стало для них началом нового творческого этапа, в значительной мере отличного от предшествующей художественной деятельности. С Дягилевым Ларионов и Гончарова были знакомы еще по «Миру Искусства», ему были обязаны устройством зарубежных выставок². К тому же Гончарова уже работала для него в качестве театрального художника³.

¹ По неизданным дневникам О.И. Синьорелли и ее переписке с мужем время пребывания Ларионова и Гончаровой в итальянской столице можно определить так: после гастролей в Испании (начало июля — начало октября 1916) балетная труппа отправляется в Соединенные Штаты, в то время как Дягилев, Ларионов, Гончарова, Мясин и Григорьев едут в Рим для подготовки нового сезона. См. воспоминания С.Григорьева в сб. T.Loguine. *GONTCHAROVA ET LARIONOV*. Paris, 1966, p.109; см. также воспоминания Деперо (*DEPERO FUTURISTA*, Milano, 1927, p.133), в которых итальянский художник (о нем — см. прим.8) рассказывает о знакомстве с Ларионовым и Дягилевым, датируя встречу 1916 г.

² Имеются в виду парижские выставки 1906 и 1914.

³ Имеются в виду декорации и костюмы к балету *ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК* (муз. Римского-Корсакова). Премьера состоялась в Париже 24 мая 1914. В эти годы интерес Гончаровой к театрально-декоративному искусству сильно возрастает: в 1915 она готовит для Камерного театра Таирова декорации для пьесы Гольдони *БЕЕР*.